

1164

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**КРИТИКА ЗАРУБЕЖНЫМИ МАРКСИСТАМИ
ПРАВОГО РЕВИЗИОНИЗМА**

Для служебного пользования. Экз. №

001445

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Для служебного пользования

Экз. №

001445

КРИТИКА
ЗАРУБЕЖНЫМИ МАРКСИСТАМИ
ПРАВОГО РЕВИЗИОНИЗМА

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва — 1975

**"КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ,
РЕФОРМИЗМА И РЕВИЗИОНИЗМА"
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:**

ВИНОГРАДОВ В.А. – член-корреспондент АН СССР,
председатель

ГАПОЧКА М.П. – кандидат философских наук, заместитель председателя,
КЮЗАДЖАН Л.С. – кандидат исторических наук, заместитель
председателя, **БЕРГЕР Я.М.** – кандидат географических наук, **ГРИ-
ГОРЬЕВ А.М.** – кандидат исторических наук, **ПЕТРОВ А.П.** – канди-
дат исторических наук, **РАКИТОВ А.П.** – доктор философских наук,
ФЕДЯКИН И.А. – кандидат исторических наук.

РЕДКОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА .

БЕРГЕР Я.М. – кандидат географических наук, **КОСИЧЕВ А.Д.** – док-
тор философских наук, **ЛЕВИТ С.Я.** – кандидат философских наук,
ответственный редактор.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ РЕВИЗИОНИЗМА

- Фромм Э. К критике ревизионистских и оппортунистических теорий о науке и технике . . . 5
- Василева Ц. Рабочий класс, социализм, ревизионизм 10

II. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОГО РЕВИЗИОНИЗМА

- Бауэрман Р., Рётшер Х.Ю. Субъективизм ревизионистской "философии практики" 32
- Журавицкий С. "Творческий" марксизм или левачий "радикализм" (по поводу загребского журнала "Праксис") 42
- Зелены Й. К критике ревизионистского понятия практики 50
- Галечка Т. Богословствующий ревизионизм . . . 55

III. ПРАВЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ И БУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

- Грзад Л. Об истинной сущности ревизионизма и антикоммунизма (на материале кризисного развития в Чехословакии в 1968-1969 гг.) 60

Явурек З. Идеологическая роль философских концепций Франкфуртской школы и чехословацкий ревизионизм 60-х годов.	70
Седлак Я., Шульц О. Зарождение буржуазной футурологии и ее влияние в Чехословакии.	80
Основные направления и тенденции ревизионизма в Чехословакии (к методологии международного ревизионизма) (обзор).	95

І. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ РЕВИЗИОНИЗМА

ФРОММ Э.

К КРИТИКЕ РЕВИЗИОНИСТСКИХ И ОПОРТУНИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ О НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

FROMM EBERGARD

Zur Kritik revisionistischer und opportunistischer
Theorien über Wissenschaft und Technik. -
"Deutsche Z.für Philosophie", В., 1973, S.-Н., S.171-184.

Автор анализирует воззрения марксистов, а также правых социал-демократических и буржуазных идеологов на происходящий в настоящее время бурный прогресс науки и техники.

Достижения науки и техники и их использование стали сегодня областью исторического соревнования между социализмом и капитализмом. Марксизм-ленинизм исходит из диалектики производительных сил и производственных отношений, устанавливает внутреннюю связь между научно-техническим, социальным, экономическим и культурным прогрессом, определяя таким образом историческое место научно-технической революции и исследуя этот процесс конкретно-исторически как важный признак развитого со-

диалистического общества. Буржуазные же идеологи характеризуют научно-техническую революцию как классово нейтральную и представляют ее процессом, изолированным от социального развития.

С изменением соотношения сил в мире апологеты капитализма выдвигают все "новые" теории научно-технического прогресса. Автор считает необходимым подвергнуть их критическому анализу.

В первой главе он выясняет, каковы, с точки зрения буржуазных идеологов, место и роль научно-технической революции в современном капиталистическом обществе.

Объективный процесс научно-технической революции при государственно-монополистическом капитализме с его острыми противоречиями освещается в буржуазной литературе по-разному. Глубокий пессимизм, ищущий причину всех общественных бед в развитии науки и техники, соседствует с преувеличенным оптимизмом, который ожидает от научно-технического прогресса решения всех проблем современности. Представитель первого направления — западно-германский философ В. Вайшедель дает определение нашего времени как эпохи "обширной власти людей — власти над природой, над пространством и временем и власти над людьми" и одновременно "глубокого бессилия людей... перед угрозой полного уничтожения, потерей власти над техникой"¹⁾. Он утверждает, что эта "диалектика власти и бессилия" в будущем обострится.

Для многих идеологов прогресс в науке и технике стал своеобразным фетишем, почти мистической силой. Так, американский футуролог Д. Белл утверждает, что организация теоретических знаний стала решающим условием ново-

¹⁾ Weisedel W. Philosophie an der Schwelle des Atomzeitalters. — "Universitas", Stuttgart, 1967, N 9, S. 902.

введений в обществе и интеллектуальные институты занимают ключевые позиции в социальной структуре. Это мнение разделяют многие буржуазные исследователи, творцы различных "моделей" будущего, пытающиеся создать минимум историческую перспективу государственно-монополистическому капитализму.

Артур Шлезингер утверждает, что глубокий кризис американского империализма — это не кризис "идеологической системы или имущественных отношений", а всего лишь совокупность проблем, присущих "всем государствам с высокоразвитой технологией". А раз так, то сегодня речь должна идти только о том, "чтобы для общества с развитой технологией открыть подходящие ценности"¹⁾.

Проповедники антропологизма признают научно-технический прогресс составной частью "внешних обстоятельств" жизни и видят путь к преодолению противоречий и конфликтов в познании "внутреннего мира" человека. Такое разделение "внешнего" и "внутреннего" мира ориентирует человека на его совесть, на свободное решение и ответственность, сознательное отречение и т.п. А от этого недалеко и до неприкрытого фидеизма, который под лозунгом "научно-технический мир должен вновь стать человеческим" постулирует соединение научного и христианского гуманизма.

Многочисленные попытки буржуазных идеологов по-своему истолковать, классифицировать, оценить научно-технический прогресс показывают, что имеется объективная несовместимость научно-технического прогресса с государственно-монополистическим капитализмом. Если научно-техническая революция — могучий союзник социализма, то в условиях капитализма происходящее на ее базе обоб-

¹⁾ Schlesinger A. Americas Republik vor dem Untergang. — "Spiegel", Hamburg, 1972, Jg 26, N.3, S.106.

действие производства все более размывает основу существующего строя, порождает новые формы антагонизма.

Этим объясняется активность буржуазных теоретиков, стремящихся увязать реалии капиталистического общества с научно-технической революцией. В выполнении этого социального заказа все заметнее роль правооппортунистических идеологов, концепции которых рассматриваются во второй главе.

Правые социал-демократические лидеры полагают, что общественное развитие в ряде стран, например в ФРГ и Австрии, идет по пути к "демократическому социализму". На съезде СДПГ уже в 1956 г. широко пропагандировалась концепция "второй индустриальной революции", которую переживают и капиталистические и социалистические страны. Индустриальное общество, простирающееся от Сан-Франциско - через Нью-Йорк, Лондон и Берлин - до Москвы и Владивостока, пишет Карл Блеха, является само по себе "нейтральной системой". Правых социал-демократов поддерживают ревизионисты. Так, О.Шик в своей книге "Третий путь"¹⁾ утверждает, что социалистические страны на самом деле еще не являются социалистическими.

Ревизионисты мечтают о "подинно социалистической трансформации" капитализма, т.е. приспособляются к эволюционным и реформистским концепциям социал-демократического типа.

Социал-демократы выдвигают далее теорию "повышения уровня жизни". Автор указывает на ее ошибочность, ибо в условиях капитализма повышение жизненного уровня трудящихся на основе достижений научно-технического

1) Šik O. Der dritte Weg. Die marxistisch-leninistische Theorie und die moderne Industriegesellschaft. Hamburg, 1972.

прогресса ведет не к сглаживанию, а к обострению противоречий. Эта теория служит в конечном счете средством подчинения трудящихся интересам монополий.

Как подчеркивал В.И. Ленин, отличительная черта всех оппортунистических аргументов состоит в том, что понятие "классовая борьба" подменяется в них понятием "солидарного", "общественного" прогресса. На этом основании современные правооппортунистические идеологи и ревизионисты подвергают сомнению руководящую роль рабочего класса в нашу эпоху. Их подход к вопросам научно-технической революции близок к позиции буржуазных идеологов.

В заключение автор подчеркивает, что только марксизм-ленинизм способен дать подлинно научный анализ единого процесса социального и научно-технического развития. Предсказанное Лениным развитие науки, техники и культуры при социализме сегодня претворяется в жизнь под руководством марксистско-ленинских партий.

В.П.Иваненко

ВАСИЛЕВА Ц.

РАБОЧИЙ КЛАСС, СОЦИАЛИЗМ, РЕВИЗИОНИЗМ

ВАСИЛЕВА Ц.

**Работническа класа, социализъм, ревизионизъм.
С., 1973. 310 с.**

В книге дана марксистская критика современных ревизионистских теорий, извращающих роль рабочего класса и коммунистических партий в социалистическом строительстве. Основным объектом критики являются взгляды Р.Гароди, Э.Фишера, Т.Петкова, а также маоистская идеология. Автор рассматривает объективные и субъективные предпосылки проявлений ревизионизма, показывает объединение правого ревизионизма и маоизма на почве национализма и антисоветизма.

Книга состоит из предисловия и пяти глав. В предисловии отмечается, что разоблачение антимарксистской сущности ревизионизма на современном этапе актуально и с теоретической, и с практической точек зрения.

В первой главе рассматривается социальная база ревизионизма. Ревизионизм, пишет автор, это оружие борьбы против марксизма "с позиций марксизма". В условиях капитализма предпосылками для его возникновения явля-

ются: тяга масс в значительной части теоретически не подготовленных к марксизму и социализму, распространение марксизма в странах, где для этого еще не созрели социальные условия; недостаточное знание первоисточников марксизма-ленинизма отдельными деятелями, партиями; современные методы ослабления рабочего движения - реформы, подкуп части рабочего класса и т.п.

Основной социальной базой ревизионизма и оппортунизма служит мелкая буржуазия, которая постоянно вливается в ряды пролетариата, в его революционное движение, привнося в него собственнические настроения, преклонение перед Западом и т.п. Более имущие слои трудящихся составляют социальную базу правого ревизионизма. Левацким отклонениям в значительной мере подвержена беднейшая часть пролетариата и непролетарских слоев трудящихся, а также люмпен-пролетариат.

Объективные социальные условия для ревизионизма и оппортунизма в рабочем и коммунистическом движении капиталистических стран, отмечается в книге, определяют источники и предпосылки существования ревизионизма в коммунистических партиях социалистических стран.

Ревизионизм в социалистическом обществе испытывает сильное влияние антикоммунизма и различных буржуазных теорий - позитивизма, структурализма и т.д. Он проникает также через современный троцкизм и различные некоммунистические "левые" течения.

Однако, подчеркивает автор, определяющее значение для проявления ревизионизма в социалистических странах имеет противоречивость социализма: с одной стороны, он является нижней фазой коммунизма, с другой - на протяжении сравнительно долгого периода сохраняет "родимые пятна" капитализма. Преподнесение остаточных явлений капитализма как сущности социализма является

содержанием правого ревизионизма. "Левые" же рассматривают эти "родимые пятна" как чистый капитализм, игнорируя неизбежность переходного этапа развития.

Таким образом, и "левый" и правый ревизионизм искаженно отражают социальные условия нижней фазы коммунистического общества. Автор подчеркивает, что в странах, вставших на путь социализма при сравнительно высоком уровне развития капитализма, больше возможностей для праворевизионистских отклонений. Типичным примером являются события 1968 г. в Чехословакии. Строительство социализма в странах с неразвитыми общественными отношениями, отсталой социально-классовой структурой нередко ревизуется "слева". Типична в этом отношении ситуация в КНР.

При социализме нет классовой базы для ревизионистских отклонений, но имеется объективная социальная база для них. Ввиду того что эта база не оформлена классово-структурно, ее труднее обнаружить.

Почву для ревизионизма создают извращения социализма, а существование последних зависит главным образом от субъективного фактора. Автор указывает причины, которые могут создать благоприятные условия для возникновения и развития ревизионизма:

изменение социального состава коммунистической партии;

недооценка идеологической работы, снижение идейно-теоретического уровня партии, способствующие проникновению буржуазных и мелкобуржуазных взглядов;

примиренческое отношение к проявлениям ревизионизма; ошибки в политике правящих коммунистических партий, порождающие недовольство тех или иных социальных категорий.

Кроме того, распространение ревизионистских взглядов могут облегчить исторические традиции и особенно-

сти данной страны, например сильное влияние религии, национализма, а также социал-демократизма и других антимарксистских идеологий. В возникновении и распространении ревизионизма при социализме играют роль и трудности строительства нового строя.

Разумеется, условия для возникновения и развития ревизионизма при социализме менее благоприятны, чем при капитализме, но проявления ревизионизма в социалистических странах более опасны.

Во второй главе автор подчеркивает, что на современном этапе борьба между марксистами и ревизионистами ведется по вопросам идейного наследия классиков марксизма-ленинизма и судеб победившего социализма. Сущность ревизионизма состоит в отрицании исторической роли рабочего класса. Ревизионисты подвергают сомнению марксистское определение классов, растворяют пролетариат в различных непролетарских категориях и т.д., спекулируя при этом главным образом на социальных последствиях научно-технической революции.

Марксистско-ленинское учение о руководящей роли рабочего класса в борьбе за социализм ревизуется посредством спекуляции на возросшем значении умственного труда в современном производстве, на изменении структуры рабочего класса. Гароди, извращая взаимоотношения рабочего класса и интеллигенции и их значение в борьбе против капитализма, выдвигает в качестве единственной революционной силы современности так называемый "новый исторический блок". Он стирает границы между рабочим классом и интеллигенцией, роль рабочего класса в общественных преобразованиях ставит в зависимость от его слияния с интеллигенцией. Гароди, в частности, подменяет основное социальное противоречие капиталистического общества - между буржуази-

ей и пролетариатом — противоречием между эксплуататорами и всеми работниками наемного труда. Сущность марксизма он сводит к критике отчуждения при капитализме.

Между тем марксистское определение пролетариата действительно и в условиях научно-технической революции. Пролетариат — это класс, лишенный средств производства и вынужденный продавать свою рабочую силу. Та часть интеллигенции, которая не обладает средствами производства, продает свою рабочую силу капиталисту и своим трудом участвует в создании прибавочной стоимости, включается в рабочий класс. То же самое можно сказать и о тех работниках умственного труда, занятых в материальном производстве, которые являются простыми исполнителями, "придатком" машины. Но все это относится не к интеллигенции вообще и даже не к научно-технической интеллигенции в целом, а только к части ее. Гароди, объединяя работников умственного и физического труда в "новый исторический блок", ссылается на количественный рост работников умственного труда, в первую очередь инженерно-технических кадров; на совместные действия рабочих и интеллигенции, включая студентов; на возрастание значения умственного труда. Однако эти признаки не имеют классовобразующего значения.

Историческую роль рабочего класса отрицает и Э.Фишер. По его мнению, пролетариата, которому Маркс пророчил роль могильщика капитализма и строителя социализма, в настоящее время уже не существует. На месте старого пролетариата возникла новая общественная сила, состоящая из интеллигенции и рабочих, с многочисленными внутренними противоречиями и переходными ступенями. Э.Фишер, как и Р.Гароди, подменяет рабочий класс интеллигенцией.

Другие правые ревизионисты тоже отрицают историческую роль рабочего класса, выдвигая в качестве главной революционной силы интеллигенцию, "новый потенциальный класс", "периферийные слои", мелкую буржуазию, молодежь.

Автор показывает, что научно-техническая революция не изменила ни социальное положение рабочего класса, ни его историческую роль. Более того, структурные и профессиональные преобразования в его среде в связи с научно-технической революцией ведут к усилению роли рабочего класса как главной производительной и социально-политической силы.

Увеличение доли работников, занимающихся преимущественно квалифицированным умственным трудом, не ликвидирует социальной границы между интеллигенцией и рабочим классом. В условиях капитализма научно-техническая революция углубляет противоположность между умственным и физическим трудом, так как все большая, экономически усиливающаяся часть интеллигенции помогает капиталистам эксплуатировать наемный труд. Возрастает и противоположная тенденция — все большая часть людей умственного труда пролетаризируется, вместе с другими отрядами рабочих создает прибавочную стоимость.

Ревизия положения марксистско-ленинской теории о руководящей роли рабочего класса направлена и против социалистических стран, где эта теория осуществлена на практике. Один из наиболее распространенных приемов ревизионизма — извращенное представление социально-классовой структуры социалистического общества, утверждение, что при социализме рабочий класс или исчезает, или отодвигается на задний план.

И при социализме, говорится в книге, повышается

значение умственного труда, растет численность интеллигенции. Однако это не отменяет экономических, социальных, политических, идеологических и моральных преимуществ рабочего класса.

Автор отмечает, что, несмотря на отсутствие общепринятого определения рабочего класса при социализме, в марксистской литературе к рабочему классу относятся люди физического и умственного труда, непосредственно производящие материальные и культурные блага и связанные с государственной (общенародной) формой социалистической собственности, достигшей наибольшей степени обобществления.

В социалистических странах рабочий класс остается главной производительной силой и в условиях научно-технической революции. Часть инженерно-технического персонала вливается в рабочий класс; с другой стороны, профессии, прежде связанные с физическим трудом, интелликуализируются. Рабочие и интеллигенция сближаются и по таким признакам, как социальное происхождение, образ жизни, общественное сознание, социальная психология, мораль и т.д.

Вместе с тем одинаковое по существу отношение к средствам производства, имеющее место уже на низшей фазе коммунизма, недостаточно для исчезновения всех классовых различий. Сохранение при социализме классов (неантагонистических) обусловлено существованием двух форм социалистической собственности.

Социализм по своей социально-классовой структуре имеет двойственную характеристику, поскольку в нем своеобразно сочетаются остатки социально-классовой дифференциации с элементами зарождающейся социальной однородности. Ревизионисты абсолютизируют одну из этих особенностей; при этом в обоих случаях прямо затраги-

вается вопрос о сущности, роли и месте рабочего класса в социалистическом обществе.

Одной из самых распространенных форм ревизии марксизма-ленинизма является интерпретация социализма как бесклассового общества. Эта теория была, в частности, взята на вооружение антисоциалистическими силами в Чехословакии, где ее отстаивали П. Махонин и его сподвижники. Методологической основой подобных взглядов был неверный критерий определения классов. Если в марксизме таковым является отношение к средствам производства, то П. Махонин использовал второстепенные признаки: профессию, условия жизни, этническую принадлежность, доходы, участие в управлении и т.п., т.е. подменял марксизм теориями буржуазной структурно-функциональной школы. В связи с этим автор указывает на нетождественность категорий "социальная структура" и "классовая структура". Марксистское понятие социальной структуры социализма включает и его классовую структуру. Из всех социальных различий классовые имеют наиболее существенное значение. В ряде случаев ревизионисты расширяют социальные границы рабочего класса до такой степени, что в него включаются все классы, социальные слои и группы социалистического общества. Тем самым отрицается не только руководящая роль рабочего класса, но и само его существование.

Марксистско-ленинский принцип руководящей роли рабочего класса в строительстве социализма отрицается путем фальсификации социально-классовой структуры, искусственного конструирования некоего "нового" эксплуататорского класса, играющего ведущую роль в обществе. Подобные теории развиваются как правыми, так и "левыми" ревизионистами, а также буржуазными идеологами.

Руководящую роль в социалистическом обществе ревизионисты отводят интеллигенции, "элите", обвиняя ра-

бочий класс в "консерватизме", низкой культуре, "примитивизме" интересов, в неспособности возглавить политические процессы "обновления" социализма и т.д.

В антимарксистском отношении к руководящей роли рабочего класса наиболее явственно выражена сущность маоизма – мелкобуржуазной, националистической идеологии, прикрывающейся марксистской фразеологией и спекулирующей революционными лозунгами.

Мао Цзэ-дун, приспособляя понятие "пролетариат" к специфическим условиям Китая, определяет его не по отношению к средствам производства, роли и месту в производстве, а по материальному положению, включая в состав пролетариата и lumpen-пролетариат.

В условиях социализма маоисты в соответствии с тезисом о "скачке" в коммунизм пытались оформить некий "новый тип" рабочего, представляющего собой одновременно рабочего, крестьянина, солдата и интеллигента.

Маоисты отводят руководящую роль крестьянству, тем самым выражая взгляды, типичные для мелкобуржуазной революционности, разновидностью которой является "левачество" в рабочем и коммунистическом движении.

Марксизм, отмечает автор, признает революционные способности крестьянства как движущей силы демократической, национально-освободительной революции, как союзника пролетариата в социалистической революции. Антимарксистская сущность маоизма проявляется в абсолютизации этих потенций крестьянства, доходящей до отрицания гегемонии пролетариата в революции. Главной силой современного революционного процесса маоисты считают не международный рабочий класс, возглавляемый мировой социалистической системой, а национально-освободительное движение.

Они доходят до прямого отрицания революционных

качеств рабочего класса в развитых капиталистических странах, обвиняя его в "обуржуазивании". Группа Мао подвергает ревизии и марксистское учение о руководящей роли рабочего класса при социализме, опускаясь до антикоммунистической клеветы, когда речь заходит о социально-классовой структуре советского общества. Маоисты не только ищут в этом обществе "пролетариат" и "буржуазии", но в последнее время говорят о наличии здесь "монополистической буржуазии". В то же время, отмечается в книге, национальная буржуазия в самом Китае сохраняет достаточно прочные экономические и политические позиции.

В последние годы маоисты снова заговорили о руководящей роли рабочего класса в китайском обществе, стремясь активизировать производственную деятельность, чтобы преодолеть тяжелые последствия "великого скачка" в экономике и политических потрясений "культурной революции". Но эта роль рабочего класса поставлена в зависимость от того, насколько он овладеет и будет руководствоваться идеями Мао.

Современные ревизионисты, говорится в третьей главе книги, отрицают закономерный, объективно необходимый и всеобщий характер руководящей роли коммунистической партии в социалистической революции и строительстве социализма. Одним из наиболее широко применяемых при этом методов является противопоставление классиков марксизма-ленинизма друг другу или отдельным руководителям коммунистического движения. Так, чехословацкие ревизионисты противопоставляли Маркса и Ленина, утверждая, что Маркс никогда и нигде не выдвигал принцип руководящей роли партии, а говорил только о руководящей роли рабочего класса. Автор, опираясь на работы Маркса и Энгельса ("Манифест Коммунистической партии"), показы-

вает, что именно они впервые поставили вопрос о руководящей роли партии. В.И. Ленин, исходя из указаний Маркса и Энгельса, в новых исторических условиях создал целостное учение о партии нового типа, способной возглавить рабочий класс в его борьбе за власть и построение социализма.

Кроме того, ревизионисты в борьбе против руководящей роли партии обычно противопоставляют Ленину Сталина, а нынешнее руководство КПСС — Марксу и Ленину. Современные правые ревизионисты отрицают не только принцип руководящей роли партии, но и всю историческую практику осуществления этого принципа. В одном случае все существующие марксистские партии объявляются "устаревшими", непригодными для нынешних условий (особо резвостно развивает подобные тезисы Э.Фишер), в других — коммунистические партии обвиняются в "бюрократизации". Гароди, в частности, объявляет руководящую роль партии национальным, специфическим явлением, а сохранение этой роли в строительстве социализма в СССР считает продуктом "сталинизма". Он утверждает, что принципы "демократического централизма, руководящей роли партии, недопущения оппозиции" следует выдерживать только в нелегальных условиях, а Сталин сохранил их в правящей партии, и это составляет "сущность сталинизма", основу "бюрократического вырождения" КПСС.

В борьбе против исторической практики социалистического строительства под руководством коммунистических партий ревизионисты спекулируют на ошибках, допущенных той или иной партией. Под видом борьбы с ошибками они отрицают сам принцип руководящей роли партии. Этот метод наиболее широко использовался правыми ревизионистами в Чехословакии. Отрицание закономерного

характера руководящей роли партии осуществляется и путем противопоставления одних стран другим, Востока — Западу и т.п. То, что действительно для России, объявляется недействительным для Чехословакии, действительное для отсталых стран — недействительным для передовых. В то же время ревизионисты придают универсальное значение опыту отрицания руководящей роли партии в Чехословакии.

Руководящая роль партии в системе политической власти при социализме наиболее часто отрицается правыми ревизионистами путем противопоставления партии и демократии. Они спекулируют на невозможности непосредственного наделения всех рабочих управленческими функциями. Ревизионисты абсолютизируют некоторые недочеты во взаимоотношениях между авангардом и массами, допущенные в тот или иной период отдельными партиями. Руководящая роль партии отрицается также и путем противопоставления партии и власти. Ревизионистский лозунг "отделения партии от власти", отмечает автор, выдвигала после победы Октябрьской революции так называемая рабочая оппозиция. Коммунистическая партия была охарактеризована как "казенная организация" антисоциалистическими силами в Чехословакии в контрреволюционном документе "2000 слов".

Ревизионисты отождествляют партию с "аппаратчиками" противопоставляют "диктатуру партии" классу или беспартийным массам. В политической структуре различных ревизионистских "моделей" социализма всегда отрицается "монополия" коммунистической партии в управлении обществом. Широкое распространение в качестве альтернативы этой "монополии" получила теория чехословацких ревизионистов о "плюралистическом социализме", предполагающем "свободную игру политических сил". Ревизионисты пыта-

ются доказать, что в социалистическом обществе может быть оппозиция, не имеющая антисоциалистического характера, и что только с помощью оппозиции можно преодолеть ошибки. Они, однако, не указывают, орудием каких социальных сил должна быть эта оппозиция.

Между тем опыт СССР подтверждает, что руководящая роль партии есть общая закономерность строительства не только социализма, но и коммунизма.

Автор подчеркивает, что отрицание руководящей роли коммунистической партии по отношению к органам государственной-политической власти рабочего класса означает, с одной стороны, ликвидацию партии как политической организации, превращение ее в просветительскую организацию, а с другой - лишение рабочего класса его главного средства политического руководства обществом, что расчищает путь контрреволюции.

Все ревизионисты, отмечает автор, ополчились против марксистско-ленинских принципов партийного строительства и внутрипартийной жизни. В противовес существующим марксистским партиям они предлагают собственную "модель" партии. Так, Э.Фишер планирует создание неких политических конгломератов, состоящих из "марксистов и немарксистов, коммунистов и социал-демократов, католиков и протестантов", т.е. по существу призывает к ликвидации компартий.

Правые ревизионисты, ведя борьбу против идейного единства коммунистических партий, подменяют марксистско-ленинскую идейно-теоретическую основу партии своими теориями, выступают за свободное распространение в партии буржуазных, мелкобуржуазных, а также чисто антикоммунистических теорий, ничего общего не имеющих с пролетарской идеологией.

Ревизионисты выступают против организационного единства коммунистических партий в пользу фракций.

Усиленным атакам подвергается принцип демократического централизма, особенно идеи централизма и партийной дисциплины. Ревизионисты отрицают также роль коммунистической партии как организации высшего типа, выступают против партийного руководства другими организациями рабочего класса и остальных трудящихся.

Антисоциалистический характер имеют и леворевизионистские извращения марксистско-ленинского понимания руководящей роли партии в социалистическом строительстве, ведущие к превращению партии в организацию военного типа. Сущность подобных извращений очевидна на примере теории и практики маоизма.

Объективной предпосылкой леворевизионистских отклонений в КПК является отрыв ее от рабочего класса, превращение в непролетарскую, мелкобуржуазную по составу партию. Маоисты полностью ликвидировали марксистско-ленинские основы КПК.

Маоизм, отмечает автор, представляет собой эклектическую смесь различных мелкобуржуазных и буржуазно-националистических теорий. Сходство между марксизмом и маоизмом — чисто внешнее и вытекает из спекулятивного использования маоистами революционной фразы. Маоизм отрицает главное в марксизме — учение о всемирно-исторической роли пролетариата, поэтому не может рассматриваться как отклонение от марксизма или как его разновидность, он имеет антимарксистскую сущность.

На страницах теоретических органов ЦК КПК доказываются, что Маркс и Энгельс разработали основы научного социализма, Ленин — вопросы теории и практики революции в одной стране, а Мао Цзэ-дун — вопросы теории и практики пролетарских революций в современную эпоху. Маоисты на практике продемонстрировали, что означает осуществление идей Мао Цзэ-дуна "о продолжении революции в условиях диктатуры пролетариата". Реализация

этой теории нанесла тяжелый удар органам власти рабочего класса, привела к чистке партии от всех, кто руководствовался марксизмом-ленинизмом.

Маоистская группа ликвидировала все остатки ленинских норм партийной жизни, внутрипартийной демократии, отрицает роль съезда партии как ее высшего органа. Все это показывает, что руководящую роль партии можно ликвидировать не только "справа" - через прямое отрицание этого принципа марксизма-ленинизма, но и "слева", под "пролетарской" вывеской.

В четвертой главе рассматривается вопрос о диктатуре и демократии при социализме и отношении к ним ревизионизма. Автор отмечает, что правые и "левые" ревизионисты не видят диалектического единства диктатуры и демократии при социализме, метафизически разрывают и противопоставляют их. Диктатуру они сводят к насилию, а в демократии отрицают ее классовый характер. Отношение к вопросу о диктатуре пролетариата, подчеркивает автор, является пробным камнем для разграничения марксиста и немарксиста, распознавания ревизионистских извращений марксизма-ленинизма.

Современные ревизионисты отрицают закономерность и неизбежность пролетарской диктатуры, характеризуют ее как чисто "национальный продукт" особых условий России или других стран, где социализму предшествовала не буржуазная демократия, а фашистские диктатуры. Один из новейших аргументов ревизионистов против диктатуры пролетариата связан с противопоставлением ее условиям, созданным научно-технической революцией и государственно-монополистическим капитализмом. Так, Э.Фишер считает, что развитие производительных сил и "демократизация буржуазного государства" отменяют необходимость диктатуры пролетариата в развитых капиталистических странах. Автор подчеркивает, что какой бы степени капита-

листического обобществления ни достигли средства производства, каких бы успехов в борьбе за демократию ни достигли трудящиеся, не может быть и речи о переходе к социализму, пока политическая власть находится в руках буржуазии.

Другая форма отрицания диктатуры пролетариата — ограничение ее исторических рамок. Некоторые ревизионисты признают, что такая политическая власть может быть необходима, но только в переходный период от капитализма к социализму. Однако, пишет автор, необходимость диктатуры пролетариата на протяжении всего исторического периода строительства социализма подтверждена как положительным, так и отрицательным опытом.

Наиболее характерным для правого ревизионизма является противопоставление диктатуры пролетариата демократии. Абсолютизация демократии до такой степени, что отрицается необходимость организованного классового насилия над врагами социализма, ведет правый ревизионизм к сотрудничеству с антисоциалистическими силами.

В современных ревизионистских теориях противопоставляются не только диктатура и демократия, но и экономическая и политическая демократия. Согласно Р.Гаррди, пролетариат может завоевать "экономическую" демократию еще при капитализме и таким путем добиться решающих успехов и в политической демократии. Подобные теории только порождают среди пролетариата реформистские иллюзии.

Одним из главных средств ревизионистов в борьбе против марксистско-ленинской теории строительства социализма является вымышленная ими дилемма: "бюрократический" или "демократический" социализм. Нападки на марксистское учение о государственном руководстве социалистическим строительством они осуществляют главным образом в форме борьбы против "бюрократического социа-

лизма", спекулируя при этом на некоторых высказываниях классиков марксизма. Так, В.И. Ленин предупреждал об опасности бюрократизации некоторых советских учреждений, имея в виду возможность сохранения в течение некоторого времени элементов старого отношения к работе, т.е. недостатки отдельных звеньев субъективного фактора. Ревизионисты же под "бюрократическим социализмом" понимают сущность, основные принципы социализма.

Главным признаком "бюрократического" социализма они считают руководящую роль партии в государственно-политической системе социалистического общества, государственное руководство экономикой и культурой. Ревизионистская "модель" социализма отводит регулирующую роль в экономике свободно действующей рыночной стихии. Отрицание главенствующей роли политики по отношению к экономике фактически означает отрицание основ социализма.

Одно из основных "доказательств" бюрократического характера социализма в СССР и других странах сводится к утверждению, что в этих странах наличествует "политическое отчуждение" и слой "класса бюрократов", имеющих "эксплуататорский характер", что ведет к изоляции масс от управления, к их "политической пассивности". Автор показывает, что вся практика мирового социализма свидетельствует об использовании различных форм массового вовлечения трудящихся в управление обществом.

Марксистско-ленинское понимание взаимоотношения между диктатурой и демократией, централизмом и демократизмом извращается также и "слева". Группа Мао Цзэ-дуна, заимствовав у марксизма термин "диктатура пролетариата", придала ему немарксистское содержание и использует его произвольно, с чисто утилитарной целью. Она отходит от марксизма прежде всего в понимании классовой сущности и содержания диктатуры пролетариата.

Вывеску "диктатура пролетариата" маоисты придают власти, где руководящая роль принадлежит непролетарским социальным категориям или другим силам — армии, молодежи, крестьянству. Сущность диктатуры они сводят главным образом к насилию, абсолютизируя при этом его военную форму и превращая его в основное средство включения трудящихся в социалистическое строительство.

Установление маоистской диктатуры привело к нарушению законности, ликвидации социалистической демократии, к произволу и анархии. Маоисты понимают диктатуру как насилие над широкими массами, а демократию — как свободу действий узкой военно-бюрократической верхушки и гарантию прав остатков национальной буржуазии.

Автор подчеркивает, что противоположность правых и "левых" извращений марксистско-ленинского положения о демократии и диктатуре не отменяет некоторую общность в существенных аспектах их взглядов. Так, и правые и "левые" ставят диктатуру и демократию на неверную классовую основу.

Вопрос о пролетарском интернационализме и отношении к нему ревизионизма рассматривается в пятой, заключительной главе книги.

Принцип пролетарского интернационализма, отмечает автор, — это не только лозунг, выдвинутый классиками марксизма для мобилизации сил рабочих всех стран, он отражает объективную закономерность в осуществлении исторической роли рабочего класса в социалистическом строительстве.

С превращением капитализма в единую мировую систему классовый враг рабочего класса стал представлять собой объединенную международную силу. Это вызывает необходимость интернационального сплочения рабочих. Судность пролетарского интернационализма состоит в

подчинении национальных классовых интересов интернациональным. Пролетарский интернационализм не отменяет национальных задач пролетариата. Интернациональные и национальные классовые интересы и классовая борьба неразрывно связаны.

В условиях строительства социализма интернационализм рабочего класса приобретает качественно новую основу и новые черты. Он превращается в социалистический интернационализм, неизбежной основой которого являются общественная собственность на средства производства, отношения товарищества и взаимопомощи, общность целей и задач социалистических стран, общность их идеологии.

Главные трудности в осуществлении единства мировой социалистической общности создает раскольническая деятельность правого и "левого" ревизионизма.

Объединяющим признаком правых и "левых" ревизионистов является национализм. Проявление национализма в коммунистическом движении и в социалистических странах есть выражение буржуазного и мелкобуржуазного влияния.

Одной из наиболее распространенных теорий, с помощью которой отрицается пролетарский интернационализм, является так называемая теория ограниченного суверенитета. Эта клеветническая теория, пишет автор, широко использовалась для опорочения интернациональной помощи, оказанной пятью социалистическими странами марксистско-ленинским силам Чехословакии в августе 1968 г.

Но именно чехословацкие события раскрыли объективную необходимость и закономерный характер коллективной ответственности, защиты социализма в каждой стране социалистического содружества. Это представляет одно из

специфических конкретных проявлений пролетарского интернационализма в условиях мировой социалистической системы.

Все ревизионисты — и правые и "левые" — отрывают вопрос о суверенитете от его социально-классовой основы и сущности. В поддержку абстрактного "суверенитета" используются теории абстрактного, неклассового "равноправия" и "невмешательства во внутренние дела". Но равноправие и невмешательство совсем не противоречат интернационализму, общей борьбе по защите завоеваний социализма, его укреплению и развитию.

Социалистический интернационализм и государственный суверенитет каждой социалистической страны не противоречат друг другу, так как имеют общую классовую основу. Империалистическая буржуазия также объединяется в международном масштабе для борьбы против социалистических стран и революционного движения.

Пролетарский интернационализм отрицается под предлогом того, что он служит прикрытием "великодержавной" политики СССР. Подобным образом ревизионисты характеризуют все проявления помощи, оказываемой Советским Союзом социалистическим странам.

Ревизионистские нападки на пролетарский интернационализм осуществляются и в форме отрицания всех заслуг и традиций созданного В.И. Лениным III Коммунистического интернационала. Под видом критики "возрождения коминтерновских тенденций" ведется борьба против единства действий компартий.

Ревизионисты обвиняют последовательных интернационалистов в "измене" национальным интересам, забывая об указании В.И. Ленина, что "интернациональное не означает антинациональное". Интернационализм не предполагает потерю "самостоятельности" и "независи-

мости", напротив, он гарантирует их в условиях острой борьбы двух мировых систем.

Маоисты на словах выдают себя за единственных носителей пролетарского интернационализма, видя при этом свой "неотложный интернациональный долг" в дальнейшем разоблачении и критике "современного ревизионизма", центром которого является "советский ревизионизм". Во имя этого якобы "интернационального долга" они создают группы и партии из различных ренегатов, троцкистов, ревизионистов и других изменников, исключенных из рядов коммунистического движения.

Методологической основой национализма современных ревизионистов является отказ от классовых позиций при определении соотношения интернационального и национального в строительстве социализма, общих закономерностей и национальных особенностей социалистической революции.

Национализм современных правых ревизионистов проявляется главным образом в форме противопоставления общих закономерностей строительства социализма национальным особенностям отдельных стран, при этом последние абсолютизируются до отрицания общей сущности социализма. Это, однако, не означает, что в ревизионистских "моделях" социализма нет ничего общего. Для всех этих "моделей" характерны "рыночный социализм", "свободная игра политических сил".

Одним из наиболее распространенных проявлений национализма является отсутствие классового подхода к нации и национальному единству. Так, правые и контрреволюционные силы в ЧССР стремились противопоставлять классовому союзу трудящихся общенациональное единство на антисоциалистической основе.

"Левые" ревизионисты в своем национализме сегодня фактически превосходят правых. Особо опасна крайне

агрессивная, авантюристическая, шовинистическая и гегемонистская государственная политика маоистской группы.

Национализм, подчеркивает автор, неизбежно перерастает в антисоветизм, чем завершается полное отступление правых и "левых" ревизионистов от позиций пролетарского интернационализма и переход их в лагерь открытых врагов рабочего класса.

Ревизионизм и оппортунизм, национализм и антисоветизм — международные явления, а не продукт национальных условий. Сущность антисоветизма состоит в отрицании авангардной роли СССР и КПСС при переходе человечества от капитализма к социализму и коммунизму. Некоторые ревизионисты доходят даже до обвинения Советского Союза в "насильственном насаждении" своего опыта.

Наиболее активным распространителем вульгарного антисоветизма в настоящее время является маоизм. Борьба маоистской группы против СССР и КПСС, учитывая формы, методы и средства, которыми она ведется, не может определяться только термином "антисоветизм". Эта борьба приняла антикоммунистический характер.

Тенденция к сближению правого ревизионизма и маоизма при ведущей роли последнего усугубляет антисоветизм ревизионизма. Эволюция ревизионизма от замаскированного антисоветизма к открытому и вульгарному отражает обострение классовой борьбы между социализмом и капитализмом, между марксизмом-ленинизмом и всеми врагами этой теории.

Усиление реакционного и предательского характера современного ревизионизма и оппортунизма делает настоятельно необходимой непримиримую борьбу против любых отклонений от научного коммунизма, за сплочение интернациональных революционных сил.

Ю.Ф.Вудинов

II. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕВИЗИОНИЗМА

БАУЭРМАН Р., РЁТШЕР Х.Ю.

СУБЪЕКТИВИЗМ РЕВИЗИОНИСТСКОЙ
"ФИЛОСОФИИ ПРАКТИКИ"

BAUERMANN R., RÖTSCHER H.

Der Subjektivismus der revisionistischen
"Praxisphilosophie". - "Deutsche Z.für
Philosophie", В., 1973, Jg 21, N 1, S.35-54.

Авторы ставят перед собой задачу дать общую характеристику ревизионистской "философии практики" и показать, "что суть ее состоит в фальсификации марксистской философии, в превращении ее из последовательно материалистической в субъективистскую, классово индифферентную философскую антропологию" (с.37). Объектом нападок буржуазных противников марксизма и его ревизионистских фальсификаторов является единство научной теории общества и материализма в марксизме.

Различные вариации этих нападок как со стороны неокантианских ревизионистов - Корша и других, так и со стороны философов Франкфуртской школы сводятся к утверждению, что философия Маркса является не мировоззрением, охватывающим природу и общество, а только теорией общества.

Ревизионисты, с 1964 г. группирующиеся вокруг югославского журнала "Праксис", занимаются субъективистской фальсификацией марксистской теории общества в духе абстрактной, классово нейтральной антропологии. Они делятся на два направления: позитивистское (М.Маркович, С.Стоянович) и субъективно-идеалистическое (Г.Петрович, М.Животич, Р.Супек, К.Косик), которое пропагандирует антропологическую ревизию марксизма в духе экзистенциализма Хайдеггера и философии жизни.

"Гуманистические философы практики", как и представители позитивистского направления, ведут свои философские атаки против Ленина и ленинизма как марксизма нашей эпохи. Они рассматривают реально существующий социализм с позиций мелкобуржуазного индивидуализма и клеветнически называют его "этатистским" и "бюрократическим".

Философским выражением их мелкобуржуазного индивидуализма является антропологизация марксистской философии. Диалектический и исторический материализм они объявляют "догматическими", антигуманными, якобы не оставляющими места для человека и его творческой деятельности. При этом идеи, содержащиеся в ранних работах Маркса, интерпретируются в абстрактно-антропологическом духе

Все не соответствующее их субъективистской и контрреволюционной концепции "философы практики" называют "сталинизмом", а свою философию объявляют основой "социализма самоуправления", противопоставляемого "этатистскому" социализму.

Авторы указывают на существование объективной связи между "философией практики" и империалистической стратегией проникновения в социалистические страны, идеологической диверсией империализма против коммунистического движения.

Представители группы "Праксис" стремятся доказать, что центральной категорией марксистской философии является практика, а ее основной проблемой — отношение человека к миру. Наиболее четко это выражает Г.Петрович: "Философия, как ее понимает Маркс, — это совсем не "диалектический и исторический материализм". Основные положения диалектического материализма, намеченные Лениным и окончательно сформулированные Сталиным, несовместимы с Марксом. Основополагающее "онтологическое" положение диалектического материализма о первичности природы по отношению к духу, материи — к сознанию... противоречит основной идее К.Маркса, идее практики. Указанный "материалистический" тезис основан на дуалистической посылке, на признании принципиального разделения всего существующего на дух и материю, что Маркс решительно отвергал. Для Маркса дух был возможен лишь как человеческий дух, а человека он рассматривал не как комбинацию материи и духа, а как единое существо практики. Главной философской проблемой для Маркса было не отношение материи и духа, а отношение человека к миру"¹⁾.

Авторы отмечают, что такая интерпретация ранних трудов Маркса представляет собой грубую их фальсификацию, свидетельствуя о поверхностном понимании диалектического и исторического материализма Маркса и Энгельса.

Многочисленные буржуазные и ревизионистские фальсификаторы марксизма нередко говорят о мнимых "противоречиях" между Марксом и Энгельсом в вопросе о характере марксистской философии. Теоретико-познавательной основой этих утверждений является непонимание диалектики всеобщего и частного.

¹⁾ Petrović G. Philosophie und Revolution. Modelle für eine Marx-Interpretation. Hamburg, 1971, S.275.

Авторы считают, что "если Маркс сформулировал теоретико-познавательное противопоставление материи и сознания в особой форме общественного бытия и общественного сознания, то из этого нельзя заключать, что Маркс абстрагировался от природы. ...Если Маркс, как и Энгельс, в своих работах, вплоть до "Коммунистического манифеста", не касается природы, то это объясняется именно тем, что для них было важнее разработать материализм сверху. И здесь они открыли специфику материальности общественных отношений, сформулированную Марксом в "Экономическо-философских рукописях", а также в последующих совместных работах" (с.40). Эта специфика состоит в том, что люди в процессе производственной деятельности, практики, предпосылкой которой является природа, создают свои материальные отношения.

Авторы анализируют Марксово понимание практики как материальной деятельности и критикуют Петровича, включающего в это понятие духовную деятельность и эмоции. "Ставить практику на место основного вопроса философии ... означает открывать дорогу идеализму. И именно это делает "философия практики" (с.41). Субъективистская интерпретация Маркса особенно отчетливо проявляется при изложении проблемы объективных законов и рассмотрении философами группы "Праксис" человеческой деятельности. Идеалистически преувеличивая роль субъективного фактора в истории, они отрицают детерминированность человеческой деятельности материальными факторами. Так, Петрович пишет: "Если все существующее подчиняется диалектическим "законам", то как можно исключить из этого человека? А если его нельзя из этого исключить, то как мы можем тогда говорить о его свободе и способности к творчеству?"¹⁾

1) Petrović G. Op.cit., S.60.

М. Кантрэга, выражая точку зрения, общую для всех представителей группы "Праксис", утверждал, что категории закономерности, диалектического детерминизма и т.д. не имеют ничего общего со смыслом философии Маркса.

Идея исторического детерминизма наиболее отчетливо сформулирована Марксом в известном письме к Анненкову от 28 декабря 1846 г. Объективное рассмотрение этого положения Маркса, а не через призму субъективистской "философии практики", по мнению авторов, приводит к недвусмысленному выводу, что интерпретация, даваемая "гуманистической философией практики" Марксову представлению о человеке, не имеет ничего общего с "аутентичным" (употребляя любимое слово этих теоретиков) Марксом.

Маркс в "Капитале" называет человека "a tool making animal"¹⁾. Из этого, как утверждают "философы практики", "исторический материализм" делает ложный вывод, что человек является "экономическим животным", и это заключение превращает исторический материализм в механистическое учение.

В этой связи авторы напоминают об отповеди, которую Энгельс дал всем, кто обвинял его и Маркса в экономическом детерминизме (письмо к Блоху от 21 сентября 1890 г.), и подчеркивал, что экономический фактор является отнюдь не единственным, но среди многих других (технических, географических, исторических, политических, культурных) определяющим.

Субъективистский антиматериалистический взгляд "философов практики" на основополагающие идеи Маркса выступает еще отчетливее в их интерпретации материалистических положений предисловия "К критике политичес-

1)

Животное, делающее орудия (англ.). - Прим. реф.

кой экономии". Так, Петрович утверждает, что идея Маркса о материалистической детерминированности человеческого поведения относится лишь к периоду предистории. "Появившийся в начале истории экономический фактор постепенно вытеснил биологический"¹⁾. Но в бесклассовом обществе он должен утратить свое преобладание, люди не будут больше вступать в определенные, независимые от их воли отношения, соответствующие производственным. В этих высказываниях обнаруживается ядро субъективистской концепции сущности человека как "свободного существа практики", которую "философы практики" приписывают Марксу и которая неразрывно связана с их концепцией отчуждения. В соответствии с ней человек не может с самого начала осуществить свою антропологическую сущность — свободную, практическую деятельность, свое творчество, а подпадает под господство созданных им продуктов. Возникающий в диалектическом процессе взаимодействия объектов и субъектов мир объектов, выступающий как нечто чуждое по отношению к субъекту, отождествляется Петровичем с материальным. Таким образом, диалектика сводится к диалектике субъекта — объекта.

При всех различиях между "философами практики" и Франкфуртской школой общим для них является отрицание материалистической диалектики как мировоззрения, охватывающего природу и общество. Так, Т. Адорно в книге "Диалектика отрицания" писал об употреблении Марксом понятия "естественная закономерность" в отношении общественной жизни: "Что положение о естественных законах не следует принимать *à la lettre*"²⁾, за это говорит сильнейший мотив, определяющий Марксову теорию в

¹⁾ Petrović G. Wider den autoritären Marxismus. Frankfurt a.M., 1967, S.91.

²⁾ Буквально (фр.). — Прим.реф.

целом, — о возможности устранить эти законы. Там, где начинается царство свободы, согласно Марксу, они теряют свою действительность... Только извращение мотивов Маркса, как это делает диалект, продлевающий царство необходимости и утверждающий, что оно является якобы царством свободы, могло привести к тому, что употребляемое Марксом в полемике понятие естественнонаучной закономерности из конструкции естественной истории превращено в сциентистское инвариантное учение¹⁾.

В том же духе высказываются Петрович и другие представители "философии практики". Идеи Маркса и Энгельса о социализме как царстве свободы интерпретируются ими совершенно субъективистски. Маркс и Энгельс никогда не утверждали, что при социализме устраняется первичность материального производства по отношению к общественному сознанию. Замечание Маркса в томе III "Капитала", что царство свободы начинается (в соответствии с природой вещей) только за пределами материального производства, где развитие человеческих потенций оказывается самоцелью, не может служить обоснованием субъективистской интерпретации философии Маркса. Как известно, Маркс со всей определенностью подчеркивал, что это царство свободы связано с материальным производством как своей предпосылкой. В данном случае Маркс использует понятие "царство свободы" в специфическом смысле досуга. Это означает, что человеческая личность развивается не только в производственной деятельности, но и в других сферах общественной жизни. Под "царством необходимости" Маркс имел в виду сферу производства и размер "царства свободы" ставил в зависимость от производительности в "царстве необходимости". В процессе

1)

Adorno Th.W. Negative Dialektik. Frankfurt a. M., 1966, S. 346.

движения к коммунизму постоянно возрастает роль субъективного фактора, поскольку "успехи марксистско-ленинских общественных наук позволяют во все большей мере подчинить контролю объективные законы собственного общественного действия и осуществлять поставленные перед собой цели" (с.47).

"Философия практики", направленная против материалистической диалектики, отрицает, что в природе и обществе существуют объективные, всеобщие законы диалектики, и объявляет, что признание их ведет к позитивизму. Марксистско-ленинскую партию обвиняют в том, что она использует диалектический материализм лишь для оправдания существующих при социализме условий. Авторы считают, что "положения "философов практики" объективно направлены к тому, чтобы склонить рабочий класс и его союзников к субъективизму, контрреволюции" (с.48).

Особую роль в "философии практики" играет концепция отчуждения. Марксова диалектика рассматривается ею как общая теория отчуждения и его снятия. "Угнетение и ограничение "свободного существа" человека представляет собою отчуждение, так как при этом человек является не тем, что он есть по своей антропологической сущности" (с.48). Лишь при "подлинном социализме", под которым подразумевается самоуправление, отчуждение в основном снимается. Для "гуманистической философии практики", подчеркивают авторы, характерен классово-индифферентный антропологизм. Отчуждение человека рассматривается по отношению к различным феноменам действительности — этическим, политическим, производственно-техническим. Оно не связывается, как у Маркса, с определенным классовым содержанием, т.е. капиталистической эксплуатацией, и объявляется присущим "эстатистскому социализму".

Рассуждая об отчуждении человека, "философы практи-

ки" обнаруживают противоречие между "сциентистским" и "гуманистическим" марксизмом, объявляя себя представителями последнего, написавшего на своем знамени:

"Снятие отчуждения" - якобы в духе молодого Маркса.

"Сциентистский" марксизм, утверждают они, основан на историческом детерминизме и тем самым является искажением идей "молодого Маркса" и открытого им отчуждения.

"Со своей концепцией отчуждения "философы практики" полностью переходят на позиции буржуазной интерпретации Маркса" (с.50). Они спекулируют на использовании Марксом понятия отчуждения в "Экономическо-философских рукописях", вырывая его из контекста идейного развития Маркса.

У Маркса понятие отчуждения служит анализу капиталистической действительности. "Расценивать это понятие как центральную категорию Марксовой философской антропологии - значит явно фальсифицировать марксизм...

"Философы практики" используют версию об антропологическом понимании отчуждения молодым Марксом для того, чтобы оправдать свою субъективистскую интерпретацию диалектики субъекта - объекта, чтобы противопоставить свою антропологическую концепцию отчуждения ленинизму" (с.51). Положения "философов практики", заключают авторы, служат абстрактному гуманизму, который исходит из классово-индифферентной сущности человека.

"Философы практики" называют социализм "техно-бюрократическим этатизмом", а марксизм-ленинизм - "авторитарным марксизмом". При этом они утверждают, что борются против "сталинизма", пытаясь тем самым оправдать свою критику социализма и извращение материализма. Фактически же они "рассматривают социалистическое общество через кривую линзу теории индустриального общества"(с.52) "Философы практики" вместе с представителями Франкфуртской школы - Адорно, Хоркхеймером, Маркузе, экзистен-

циалистом Сартром и ревизионистом Фишером утверждают, что при социализме сохраняется отчуждение человека по отношению к бюрократии, политико-экономической, социальной иерархии и массовым коммуникациям. Путь к "подлинному" социализму, согласно их утверждению, проходит через "самоуправление". Неспособность к материалистическому анализу общественных отношений социализма выражается у них в том, что они ведут дискуссию о снятии отчуждения с позиций идеи "чистой" демократии, полностью игнорируя ленинское положение, что демократия является либо социалистической, либо буржуазной. Концепция "чистой" демократии основана на субъективистской теории общества, находящей воплощение в концепции "социализма самоуправления"; причем под "самоуправлением" подразумевается отказ от ведущей роли партии, от диктатуры пролетариата, возврат к конкурентной борьбе в сфере общественного производства и к анархии.

Авторы подчеркивают, что "философия практики" является инструментом воздействия империалистической идеологии. В этом убеждает концепция отчуждения человека в социалистическом обществе. В своем требовании всеобщей человеческой эмансипации эта философия возвращается назад, к домарксовской ступени общественного познания.

Л.Ф.Вольфсон

ЖУРАВИЦКИЙ С.

"ТВОРЧЕСКИЙ" МАРКСИЗМ ИЛИ ЛЕВАЦКИЙ "РАДИКАЛИЗМ"

(по поводу загребского журнала "Праксис")

ZURAWICKI S.

Twórczy marksizm czy lewacki "radikalizm" (na marginesie zagrebskiego czasopisma "Praxis"). - "Studia filozoficzne", W-wa, 1970, N 6, s. 103-117.

Статья посвящена анализу общественно-политических позиций югославского философского журнала "Праксис".

В редакционную коллегию этого журнала вошли в основном люди, мировоззрение которых формировалось в период гитлеровской оккупации и сразу после освобождения Югославии: Бранко Бошняк, Милан Кангрга, Гайо Петрович, Руди Супек, Предраг Вранички и др.

2 марта 1970 г. в беседе с корреспондентом журнала "Шпигель" редакторы "Праксиса"¹⁾ заявили, что советский социализм отбросил СССР назад, от капитализма к феодализму, что в лучшем случае советскую систему можно считать разновидностью этатизма типа государственного ка-

¹⁾ "Praxis", Zagreb, 1970, God. 7, N 3.

питализма с некоторыми зачатками социализма. Даже рабочее самоуправление в Югославии, с которым в этой стране связывают программу построения социализма, не пользуется благосклонностью сотрудников этого журнала.

В этом интервью редакторы "Праксиса" — Петрович и Кангрга — подчеркнули, что нельзя говорить о социализме, оставляя в стороне проблему человека. Считая это утверждение правильным, С.Журавичский отмечает, что в понимании Петровича и Кангрги "человек" приобретает вневременные черты в духе фэйербаховского антропологизма. В своих онтологических рассуждениях они забывают о классовой борьбе и поэтому в поисках "философии гуманистической практики" смотрят на западных философов не как на представителей тех или иных классов, а как на мыслителей, которых интересуют судьбы человека, как такового. Здесь они (сознательно или бессознательно) идут по пути Эриха Фромма, пытавшегося дополнить марксизм "философией человека" с фрейдистскими тенденциями.

Обращаясь к актуальным проблемам, журнал освещает их с весьма спорных позиций, которые часто вызывают принципиальные возражения. Так, в определении будущего сотрудники "Праксиса" преклоняются перед плюрализмом. Характеризуя их позицию, автор обращается к работам, опубликованным ими не только в этом журнале. П.Вранички — один из редакторов "Праксиса" и главный его публицист — выпустил в 1961 г. "Историю марксизма"¹⁾. Исходя из содержания этой книги, ее следовало бы называть историей антимарксизма. Во введении П.Вранички пишет, что его целью было ознакомить читателей с марксизмом, определить его место в развитии человеческой мысли и одновременно подвергнуть критическому анализу.

¹⁾ Vranicki P. Historija marksizma. Zagreb, 1961.

Свое стремление он аргументировал тем, что "марксистская мысль является *par excellence* - свободной, ее главная черта - критичность в отношении к другим и к себе самой. Поэтому история марксистской мысли тоже должна быть критичной". Однако акценты этой критики марксизма расставлены таким образом, что читателю преподносится лишь история ошибок и искажений. Враницки произвольно представляет одни проблемы, забывая о других, искажает некоторые основные идеи Маркса и Энгельса. Из социологических проблем он выдвигает на передний план отмирание государства. Проблемы морали, религии, идеологии, отчуждения он представляет так, будто у Маркса и Энгельса они занимают главное место. Из экономических проблем Враницки останавливается лишь на накоплении капитала, а проблема борьбы и стратегии рабочего класса вообще выпадает из его поля зрения, поскольку он, как, впрочем, и другие редакторы журнала "Праксис", вслед за Маркузе не видит в рабочем классе силу, способную преобразовать мир.

Периодизацию развития марксизма Враницки строит на истории I, II и III Интернационалов. При этом он не проводит четкой грани между последовательными марксистами, ревизионистами и даже синдикалистами.

Период III Интернационала представлен Враницки довольно "оригинальным" образом: он пишет о деятелях, которые никогда не были близко связаны с III Интернационалом или быстро от него отошли (Корш, Гроссман, Рафаэль, Маркузе, Адорно, Поллок, Фромм, т.е. прежде всего философы и публицисты, в межвоенный период объединившиеся вокруг журнала "Дайтшифт фюр социальфюршунг", выражавшие симпатии марксизму, но не считавшие себя марксистами). В наши дни многие из них оказались среди так называемых неомарксистов из Франкфуртской школы в ФРГ.

Идеи Вранички разделяют и другие редакторы журнала "Праксис". "Критический" марксизм, "открытый" марксизм, маоизм, "старый" и "новый" ревизионизм, троцкизм – все это причисляется ими к марксизму. Такая мистификация, по мнению С.Журавицкого, нужна для того, чтобы объяснить необходимость поисков "подлинного" марксизма. Монополю на его открытие "Праксис" приписывает себе.

Подтверждением этого тезиса является, в частности, книга профессора философии Загребского университета Г.Петровича "Марксизм в середине XX века", в которой он указывает, на чем должен быть основан "подлинный", или "творческий", марксизм. Основной сферой творческого марксизма, по его мнению, должна стать онтология, а марксизм – сделаться "теорией человека".

Вслед за многими "марксологами" Петрович утверждает, что философия Маркса – это "гуманистический натурализм". Он не видит того, что у Маркса созидательной силой является не просто человек, а "человек, созидающий в обществе". Поэтому Петрович сближает Маркса с Гуссерлем, Хайдеггером, Адорно, что в общем-то и составляет одну из основных задач журнала "Праксис". Журавицкий по этому поводу замечает, что "творческий" марксизм XX в. мыслится редакторами "Праксиса" как эклектический.

Поиски "подлинного" марксизма они чаще всего концентрируют вокруг проблем гуманизма.

Петрович в одной из своих статей сожалеет, что большую часть жизни человек проводит в труде, который, по его мнению, является отрицанием творчества, подобно тому как творчество, в его понимании, является отрицанием труда. Корни человеческого творчества он видит в критическом отношении человека к существующим институтам и организациям. Анархистский способ виде-

ния проблем (только такое видение якобы позволяет уловить истинный смысл гуманизма) проявляется у Петровича уже без обвиняков, когда он в вышеупомянутой книге утверждает, что "деятельность коллектива может считаться социалистической лишь тогда, когда она не требует от отдельного человека подчинения его творческой силы внешним целям, принципам и законам" (с.631). Югославский философ Маркович в ходе поисков подлинного гуманизма провозглашает, что гуманизм возвышается над материализмом и идеализмом.

На состоявшейся в декабре 1967 г. в Опатии конференции редакторов философских журналов выступавшие от журнала "Праксис" Враницки и Кангрга утверждали, что отчуждение человека является вечным явлением, причем имелось в виду не столько отчуждение в трактовке Гегеля, видевшего в нем извечное и непреходящее проявление борьбы человека с природой, сколько в толковании его Фроммом, который увековечивает противоположность личности и общества, считая, что спонтанные реакции одних индивидов всегда находятся в противоречии со спонтанными реакциями других.

На этой же конференции сотрудник журнала "Праксис" Корач заявил, что гуманизм, превратившийся в догму, ведет к антигуманистической практике. Он носит декларативный, технократический характер, разрушает диалектику и превращает ее в мертвую абстракцию. Подлинный же гуманизм конкретен и ориентирован на свободную, ничем не связанную деятельность человека.

Автор отмечает, что переоценка, абсолютизация индивидуального и субъективного факторов ведут не к подлинному гуманизму, а к попыткам создания "марксистской" онтологии, творцом которой "Праксис" считает Г.Лукача. Замалчивая классовую борьбу и ее роль в

развитии человечества, загребский журнал скатывается на позиции фатализма, хотя в нем много говорится о "созидающей" роли человека.

Руди Супек, один из редакторов журнала, считает, что "целью исторического развития является, несомненно, стремление к индивидуализации гуманизма, обогащению человечества во имя многосторонности, оригинальности, индивидуальной гениальности, а такого обогащения можно достичь лишь путем диалога с тем, что в человеческом духе является универсальным".

Если связать, пишет автор, это довольно путаное заявление с высказыванием Вранички, что основные мысли Маркса содержатся не в концепциях классовой борьбы, диктатуры пролетариата и социальной революции, а в оригинальных концепциях истории, свободы и освобождения человека, то линия журнала "Праксис" окажется довольно простой: высокопарные слова, когда речь идет о завтрашнем дне, и яростная критика, когда речь идет о действительном социалистическом строительстве. Не случайно Мунинович выступает против укрепления социалистического государства, так как это якобы должно неизбежно привести к "административному социализму" и к "технократическому обществу".

Позиции журнала "Праксис" по отношению к проблемам революции С.Журавицкий прослеживает по первому номеру за 1969 г. (международное издание), посвященному проблеме "Маркс и революция". Маркс здесь представлен как выразитель недовольства и бунта, а не как стратег революционного рабочего движения, более того, как мыслитель, который ошибался, утверждая, что революция является повивальной бабкой прогресса, ибо в таких странах, как, например, Германия, недовольство и бунт привели к гитлеризму (З.Блох).

На страницах "Праксиса" Г.Маркузе утверждает, что борьба социализма с капитализмом накладывает отпечаток на марксистскую теорию и стратегию современной эпохи и искажает ее, что только студенческое движение в состоянии возродить "социалистический гуманизм". Хабермас здесь же доказывает, что в развитых капиталистических странах нет условий для революции, так как там экономические интересы и идеология отделены друг от друга, а рабочий класс не является носителем социалистической идеологии. Хабермасу вторит Р.Супек, утверждая, что в условиях современного капитализма рост жизненного уровня делает классовые битвы и идеологические споры излишними, превращая их в своего рода "пережитки прошлого века".

Югославские авторы журнала "Праксис" меньше уделяют внимания перспективам революции, а больше — ошибкам периода культа личности Сталина; их высказывания в конечном счете сводятся к тому, что в настоящее время социализма нет ни в одной стране, поскольку современный человек до него просто не дорос. Р.Супек при этом заявляет, что предвидения Маркса не сбылись, что в сталинскую эпоху государство начало поглощать общество, что современный капитализм обрел в научно-техническом прогрессе новые силы и рабочий класс выступает сейчас не против капитализма, а лишь против его некоторых антигуманистических аспектов. В связи с этим процесс социалистических преобразований следует вести в направлении, гарантирующем от "этатистского социализма". Все это, подчеркивает С.Журавицкий, означает не революцию, а вращение капитализма в социализм. Альтернатива, которую выдвигает "Праксис", — это не капитализм или социализм, а "тоталитарный", или "гуманистический", социализм; а поскольку последний возможен лишь в отла-

ленном будущем, то критика "тоталитарного социализма" фактически означает поддержку современного капитализма.

В заключение автор подчеркивает, что общественно-политическая позиция журнала "Праксис" не нова и не оригинальна. То, что Маркс писал в "Коммунистическом Манифесте" о так называемом истинном немецком социализме середины XIX в., относится и к искателям "подлинного" социализма из журнала "Праксис".

Позицию "Праксиса" автор рассматривает как неизбежный побочный продукт процесса развития, который переживает современный марксизм. Притягательность марксизма является причиной того, что даже направления, далекие от него, пытаются использовать некоторые его идеи и выдать свои концепции за марксистские. Однако творческий марксизм не имеет ничего общего с левацким радикализмом; творческий марксизм — это не какой-то механический сплав с концепциями, возникшими на совершенно иной почве, он впитывает новые достижения современного знания на основе диалектического метода.

Э.Н.Жук

ЗЕЛЕНÝ Й.

К КРИТИКЕ РЕВИЗИОНИСТСКОГО ПОНЯТИЯ ПРАКТИКИ

ZELENÝ J.

Ke kritice revizionistickeho pojetí praxe. -
"Nová mysl", Pr., 1972, R. 26, č 11, s. 1546-1554.

В последнее время участились нападки ревизионистов на диалектико-материалистическое понятие "практика", которому они придают псевдоматериалистическое, по существу идеалистическое значение. Этого направления придерживались авторы, группировавшиеся вокруг журнала "Праксис", а также Р.Гароди и Э.Фишер. В 1968 г. идеи псевдомарксистской философии практики проявились в ЧССР в линии некоторых политических деятелей.

Истоки этого явления восходят к концу 50-х годов, когда в ряде чехословацких литературных журналов были помещены статьи с демонстративными отсылками к ленинскому призыву изучать диалектику Гегеля. Дело представлялось так, будто речь идет о последовательной партийной критике проявлений культа личности в философии. В действительности же этими статьями был начат поход за "улучшенный, современный материализм", что было субъективистским отходом от диалектического материализма

под влиянием модных направлений буржуазной философии. Сторонники философии практики характеризовали послеленинский период развития советской философии и революционной теории как "сталинский ревизионизм" и заявляли, что они ориентируются на так называемую несогласительскую социалистическую литературу, под которой они подразумевали произведения молодого Лукача, К. Корша, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра и т.д.

После издания "Экономическо-философских рукописей" К. Маркса буржуазные марксологи создали легенду, согласно которой "настоящий" марксизм считает действительность исключительно "практикой и продуктом практики". В послевоенный период эту легенду "развивали" французские католические марксологи Кальвез, Биго и др. Некоторые представители "творческого марксизма" стали повторять эти измышления буржуазных "знатоков марксизма", другая их часть, признавая существование природы независимо от человеческой практики, в то же время утверждает, что общественная действительность создана только практикой. В этом взгляде псевдоматериалистическое понятие практики выражено в наиболее чистом виде, поскольку одним из неоспоримых положений исторического материализма является представление об общественной жизни как естественнoисторическом процессе, отличающемся от органических и неорганических процессов, происходящих в природе.

Сторонники философии практики по существу проповедуют идеалистический дуализм материи и духа, естественных и общественных наук. Из их концепций следует, что в общественной жизни все зависит от свободной творческой деятельности человека и не обусловлено никакими объективными законами.

Одним из распространеннейших упреков в адрес марксизма-ленинизма является упрек в "излишней научности".

Не желая понимать истинный смысл этого учения, философия практики на деле выступает против тесной связи диалектического материализма с развивающимся естествознанием и другими науками. Без тесного же союза философов и представителей естественных наук социалистическое мировоззрение оказалось бы беззащитным перед лицом буржуазной идеологии.

Сторонники философии практики под предлогом защиты "подлинного гуманизма" и "свободной творческой личности" критикуют коммунистические партии за усилия, направленные на ускорение научно-технического развития. Использование результатов научно-технической революции на благо социализма они называют ориентацией на расширение манипулятивной, утилитарной, "отчужденной" практики. Марксистско-ленинская наука, напротив, указывает на глубокий гуманистический смысл научно-технической революции, которая в социалистическом обществе ведет к всестороннему развитию личности трудящегося, освобожденного от классового рабства. В данном случае наглядно проявляется лживый характер абстрактного гуманизма, провозглашаемого философией практики. Автор статьи отмечает, что не существует другого пути к освобождению и всестороннему развитию человеческой личности, кроме революционной ликвидации капитализма и использования всех достижений научно-технической революции в условиях социализма.

Обоснование своих утверждений об излишней научности марксистской философии приверженцы философии практики находят в легенде о несовместимости так называемой антропологической гуманистической направленности произведений Маркса с "научностью" и позитивистской направленностью произведений Энгельса. Эта легенда, подчеркивает автор, основывается на искаженной интер-

претации произведений обоих основоположников марксизма. Мелкобуржуазный характер философии практики наглядно проявляется в оторванности понятия практики, лишенного классового содержания, от революционной деятельности рабочего класса. С этим связано анархистско-оппортунистическое понимание критики и революционности. Сторонники философии практики провозглашают радикальную и беспощадную критику всего существующего, выдавая при этом свою позицию за последовательную, революционно-критическую, в духе подлинного марксизма. Критическими мыслителями они считают лишь сторонников своих взглядов, т.е. тех, кто смотрит свысока на объективные общественные отношения и учреждения и осуществляет их "деструкцию" с позиций якобы абсолютно свободного "суверенитета" собственного "я"; тех же, кто не разделяет их взглядов, они объявляют приверженцами "интегративного", "апологетического" мышления. Таким образом, "критические мыслители", замечает Зелены, находятся в плену у некритических иллюзий относительно самих себя. В действительности они весьма далеки от материалистической диалектики, критичной и революционной по своей сути. Марксистско-ленинская критичность и революционность требуют материалистического и исторического подхода к общественной действительности и к личности. Марксизм изучает лишь реально существующих людей в конкретных материальных и общественных отношениях.

Основное идейно-политическое противоречие между философией практики и марксизмом-ленинизмом наглядно проявляется в вопросе о диктатуре пролетариата. Философия практики используется как орудие разложения и ликвидации коммунистической партии и социалистической государственной власти. Сторонники этой философии отрицательно относятся к историческому опыту Советского

Союза и социалистических стран, отошли от интернационализма и исповедуют различные формы национализма, отрицают роль марксистско-ленинской партии, критикуют "слева" и империализм, и социализм, делая при этом вид, что отстаивают полную и последовательную свободу. Подобная критика на руку апологетам и идеологам капитализма.

В заключение И. Зелены отмечает, что теоретическая борьба с философией практики возможна лишь с позиций марксизма-ленинизма, критически анализирующего все новое в развитии науки и общества.

Г.П. Меркулова

ГАЛЕЧКА Т.

БОГОСЛОВСТВУЮЩИЙ РЕВИЗИОНИЗМ

HALEČKA T.

Teologizující revizionismus. -
Nová mysl", Pr., 1972, R.27, č.5, s.727-736.

"Богословствующий ревизионизм" характеризуется ревизией сущности марксистско-ленинского атеизма и переходом на позиции теологии и метафизики. Представителями этого направления являются Р.Гароди, пропагандирующий христианскую и исламскую модификацию социализма, а также В.Гардавски, М.Маховец, И.Граничка и Е.Кадлецова, подвергающие ревизии важнейшие принципы и теоретические основы марксистско-ленинского мировоззрения. В 1968 г. эта ревизионистская платформа привела их на путь правого оппортунизма в области церковной политики.

Исходными пунктами ревизии и отказа от марксистской диалектики являются объективизм и эклектизм. Отчетливее всего это проявилось в публицистике В.Гардавски, в частности в работе "Надежда со скепсисом", где он требовал "очищения" марксизма от "дурных абстракций", а также более "последовательного", "марксистского подхода к религии".

Отказываясь от принципа единства объективности и партийности, В.Гардавски рассматривал внутренние проблемы развития марксизма с позиций буржуазного объективизма. В этой связи он писал, что "не случайно объективисты пишут о марксизме как об одном из крайних направлений пестрой палитры буржуазной мысли и что сравнение с буржуазной философией, социологией, политической экономией оказывается как раз не в пользу марксизма... Не кажется ли при таком сопоставлении теоретическое оружие марксизма устаревшим продуктом XIX века?"¹⁾. Здесь, по мнению автора, очевидна попытка скомпрометировать марксизм с позиций буржуазной идеологии; хотя нет открытого разрыва с марксизмом, поскольку современная буржуазная философия, особенно антропологическая, стремясь быть "современной", не прочь использовать марксистскую терминологию и даже "открывать" настоящего Маркса.

Одним из методов современного ревизионизма является объявление марксизма "открытой" системой, что позволяет провозглашать "настоящим" марксизмом всевозможные идеи и взгляды буржуазных идеологов и тем самым уничтожать сущность этого учения. В.Гардавски, например, говоря о том, что в современном мире сильно действие закона, называемого в христианстве "законом любви", развивает эту мысль до положения о необходимости для марксистской партии "добровольно" отказаться от политической власти.

В таких работах, как "Бог и неверующий мир" (1967), "КПЧ и религия" (1968), В.Гардавски проводил мысль, что Маркс по преимуществу интересовался метафизическими проблемами, в то время как Ленин был на уровне "просветительского атеизма", исторически обоснованного лишь

¹⁾ Gardavsky V. Naděje ze skepse. Pr., 1969, s.17.

конкретными условиями царской России; что переплетение православия и царизма было специфически русской особенностью, а в Чехословакии политическая власть буржуазии не опиралась на поддержку церкви. По мнению Гардавски, Ленин не шел далее анализа конкретных отношений. Тем самым отрицались значение ленинского воинствующего материализма и атеизма, ленинские указания об опасности идеализма и его родстве с поповщиной.

Современное христианство, отмечает автор, переживает глубокий кризис, отражением которого являются попытки модернизации христианской идеологии и теологии. Одним из проявлений этого процесса является программа демифологизации христианства. Современные теологи стремятся использовать деизм, пантеизм, агностицизм и т.д. Они не упускают также возможности воспользоваться слабыми сторонами домарксистского материализма и атеизма.

Касаясь истории христианства, В.Гардавски не уделяет внимания открытой Марксом общественной функции религии и совершенно игнорирует Энгельса. В работе "Бог совсем не умер" В.Гардавски называет исторический анализ данной темы позитивистским подходом. Объясняя значение библейских текстов, он проходит мимо исторических фактов, не пытается установить их связь и достоверность. Вместо этого он стремится выразить "целостность" этих фактов, прийти к "первоначальной модели" и "наиболее полной христианской мотивировке". По его мнению, кропотливая работа историков излишня, так как нет необходимости сравнивать христианские и языческие источники и изучать тексты "Нового завета", апокрифическую литературу и т.д. Гардавски развивает мысли таких теологов, как Тресмонтан, Брунер, считающих, что в Библии отражена "теория человека", человеческой субъективности, а также идея развития и историчности. Он утверждает, что подобные идеи тождественны марксиз-

му, а также обосновывает необходимость диалога с христианством как историческим "предшественником марксизма". Это и другие высказывания Гардавски порождают сомнение: хочет ли развивать их автор библию или марксизм.

Искажения смысла марксистского атеизма со стороны В.Гардавски привели к тому, что в среде богословов наряду с традиционной трактовкой марксистского атеизма как аморального появились высказывания о его гуманистическом характере... Так, французский католический персоналист Ж.Лакруа признает, что атеизм является системой "новых ценностей и носит характер радикального гуманизма". Аналогичные высказывания раздавались на Втором вселенском соборе в Ватикане. Таким образом, заключает автор, дезориентирующая роль богословского ревизионизма очевидна, поскольку заявления из стана церковников о "гуманистическом" характере марксистского атеизма не что иное, как стремление к отысканию новых идеологических и тактических средств в борьбе с марксизмом-ленинизмом. Естественно, термин "гуманистический" в данном случае неприменим к подлинно марксистскому, последовательному атеизму, а лишь к такому, который можно трактовать как поиски бога и неосознанную форму религии. В.Гардавски солидарен с теологической типологией атеизма, отвергающей традиционные представления о боге и загробной жизни, в то время как подлинно марксистский атеизм отрицает все без исключения модернизированные представления о боге.

Автор подчеркивает, что, поскольку речь идет о практическом сотрудничестве коммунистов и христиан в борьбе за мир и демократию, существенным является не то, в какого бога верят христиане, а какова мера их практического участия в этой борьбе. Подобное сотрудничество не означает отказа от критики непоследовательного и абстрактного христианского гуманизма, так

как этот гуманизм на определенных ступенях общественного развития приходит в резкое противоречие с подлинным, практическим гуманизмом коммунистов и становится тормозом на пути революционных преобразований.

Концепция Гардавски направлена против политики партии в церковном вопросе. Она проводилась им в рамках программы "демократического социализма", прикрывавшей борьбу антисоциалистических сил за политическую власть.

Богословствующий ревизионизм стремится показать, что в диалоге марксистов и теологов он открыл новую форму сотрудничества коммунистов и христиан, полагая, что противоречия между верующими и атеистами составляют суть современного развития. В действительности же, отмечает автор, эти противоречия являются лишь отображением основного противоречия современного мира — между трудом и капиталом, социализмом и капитализмом. Всякие компромиссы в идеологической сфере, рассчитанные на преодоление всех противоречий, являются опасным идеализмом. Мир в области идеологии лишь создает иллюзию мира и фактически является преградой на пути повышения сознательности трудящихся масс. В этом состоит объективная реакционность богословствующего ревизионизма как разновидности буржуазной идеологии.

Г.П.Меркулова

III ПРАВЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ И БУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

ГРЗАЛ I.

ОБ ИСТИННОЙ СУЩНОСТИ РЕВИЗИОНИЗМА И АНТИКОММУНИЗМА
(на материале кризисного развития в Чехословакии в
1968-1969 гг.)

HRZAL I.

Die Auseinandersetzung mit dem Revisionismus
und dem Antikommunismus (während der krisen-
haften Entwicklung in der ČSSR 1968/69).

B., Akad. Verl., 1973. 49 S. (Zur Kritik der bürger-
lichen Ideologie. 22).

Автор вскрывает философские и идеологические корни ревизионизма в Чехословакии, показывая его фактическое тождество с концепциями современных буржуазных идеологов и антикоммунистов.

В период кризиса 1968-1969 гг. антикоммунизм в Чехословакии оказывал значительное воздействие на общественное мнение. Одну из причин этого автор усматривает в том, что рупором ревизионистских и националистических сил стали правые, подвизавшиеся в партийных органах, они парализовали политическую активность рабочего класса и его сопротивление готовящемуся в стране контрреволюционному заговору. Целью этого наступления, связанного с идеологическими центрами анти-

коммунизма вне страны, было возрождение буржуазных взглядов, распространение иллюзий о капитализме, разжигание национализма и антисоветизма.

Автор подчеркивает, что обобщение опыта событий 1956 г. в Венгрии, раскрытие роли и намерений ревизионизма в Польше, борьба компартий Франции и Австрии против ревизионизма Гароди и Фишера приводят к выводу, что современный ревизионизм объективно смыкается с антикоммунизмом и антиоветизмом.

В главе "Существо вопроса в историческом аспекте" автор доказывает, что связь ревизионизма с антикоммунизмом и антисоветизмом восходит к ревизии Маркса Каутским и Бернштейном и к отрицанию ленинизма в теории и на практике.

В Чехословакии в 20-30-х годах антикоммунистический и антисоветский фронт включал все формы антикоммунистической идеологии, пользовавшиеся влиянием. В качестве "анатока марксизма" и "свидетеля" революции в России выступал А.Масарик, утверждение которого о неприменимости русских методов, возникших в особых условиях, явилось исходным теоретическим пунктом для идеологов "демократического социализма" в 1968 г.

После поражения венгерской контрреволюции антикоммунизм ориентировался главным образом на идеологическую диверсию и сближение с ревизионистскими течениями. Автор освещает этот вопрос на материале Чехословакии. Он подчеркивает, что, искажая суть XX съезда КПСС, ревизионисты под лозунгом борьбы против сталинского догматизма в действительности отбрасывали основные положения марксизма-ленинизма, выступали против его идеологического характера, заявляя, что преодолеть догматизм можно, лишь освободив марксизм от идеологии. Тем самым они оказывались в одном русле с антикоммунизмом; вслед за Масариком они выискивали противоре-

чия между взглядами Маркса и Ленина, пытались представить учение Ленина как "чисто восточный", "русский", или "азиатский", марксизм. И.Цвекл, Б.Р.Селудзки утверждали, что ленинизм возможен в стране, интерпретировавшей марксизм с точки зрения своих внутренних потребностей и государственных интересов. М.Рейман высказывался в том же духе, заявляя, что ленинизм вышел не из среды прогрессивных, экономически развитых государств, а из другой цивилизации и поэтому его формы и содержание другие, т.е. ленинизм изображался как специфическая форма марксизма, пригодная лишь для отсталой царской России. Такая точка зрения пропагандировалась во многих статьях того времени. Вновь получили распространение взгляды Масарика, считавшего Ленина и его сторонников олицетворением экономической и культурной примитивности "русского мужика". Автор приводит соответствующие цитаты из книг и статей Масарика, где тот утверждал, что, поскольку Россия стоит на более низкой ступени культуры, чем Чехословакия, ее "так называемый коммунизм имеет другой характер. ...Россия не созрела не только для коммунизма, но и для научного социализма. ...в большевизме не содержится точной науки..." (с.21). Эти взгляды, подчеркивает автор, привели их сторонников в лагерь антикоммунистов.

В главе "Ленинизм – учение, верное для всех стран, и его интернациональный характер" автор критикует теории ревизионистов о специфически "чехословацкой модели социализма". Рассматривая ленинизм как "русскую модификацию марксизма", ревизионисты прокламировали "возвращение к истинному марксизму", который по существу является не чем иным, как отрицанием марксизма. В 1968 г. они переходят к поискам "специфически национальной", т.е. чешской, модели социализма, "обращенного к человеку". Повторяя старые утверждения Каутско-

го и Бернштейна, но не обосновывая свою программу в деталях, они стремятся показать влияние чехословацкого "демократического социализма" на развитие социалистической мысли во всем мире.

Так, И.Цвекл утверждает, что поскольку марксизм — продукт западноевропейского развития и страны с высоким уровнем техники, организации производства, политической системы и духовной культуры обладают наилучшими предпосылками для осуществления первоначального проекта Маркса, то стремление Чехословакии создать новую модель социализма приведет к типу социализма, наиболее близкому к марксизму. Характерно, пишет автор, признание Цвекла (в 1970 г.), что такая модель создана "в антикоммунистических центрах империалистических стран".

Марксизм-ленинизм в современных условиях, заявляют ревизионисты, перестал быть целостным интернациональным учением, его развитие зависит от конкретных условий каждой страны, и поэтому следует создать национальные формы марксизма.

Автор отмечает, что модели социализма, основанные на "дезинтеграции", разрабатывают не только ревизионисты, но и марксологи и антикоммунисты.

Возражая марксологам, утверждающим, будто марксизм является продуктом середины XIX в., автор напоминает ленинскую статью о трех источниках марксизма. Как марксизм, возникший в Германии, стал основой и источником теоретической мысли международного коммунистического и рабочего движения, продолжает он, так и ленинизм, возникший в России, не является "русским", или "восточным", марксизмом.

Марксологи выхолащивают диалектико-материалистический дух марксизма и его классовую сущность, пытаются представить его как модификацию гегельянства,

лишая революционной направленности. Так, французский философ Ипполит утверждает, что в "Феноменологии духа" Гегеля и в "Капитале" Маркса содержится одна и та же мысль об отчуждении. Примерно то же пишет близкий к экзистенциализму К.Левит.

Подобные утверждения призваны доказать, что марксизм-ленинизм в своих основных принципах ограничен утопизмом классической немецкой философии. При этом искажаются взгляды не только Маркса, но и Гегеля. Так, И.Баррион в книге "Гегель и марксистское учение о государстве" сводит учение Маркса о государстве к варианту гегелевского учения, затушевывает коренную противоположность философских и классовых позиций Маркса и Гегеля.

Марксизм-ленинизм, отмечает автор, нельзя объяснить заимствованиями духовных предшественников, так как Маркс, критически переосмыслив их, решил ряд проблем, поставленных предшествующим духовным развитием, с классовых позиций пролетариата; он доказал, что высшим критерием истинности общественного познания является революционная практика. Учение Маркса стало теоретической основой международного коммунистического и рабочего движения. Международный характер марксизма-ленинизма основывается на объективном положении рабочего класса в капиталистическом обществе, на общности классовых интересов всех рабочих независимо от их национальности, на закономерностях, вытекающих из опыта революционной борьбы.

Ревизионисты, отрицая общие закономерности социалистической революции и построения социализма, рассматривая строительство социализма как чисто национальную задачу, стремятся изолировать социалистические страны друг от друга, идеологически разоружить

коммунистические и рабочие партии, расколоть международную социалистическую систему.

Единство марксизма-ленинизма и его интернациональный характер отнюдь не исключают того, что его идеи должны осуществляться творчески, в соответствии со специфическими условиями каждой страны, но это вовсе не означает замены метода марксизма-ленинизма кибернетикой, математикой, логикой и т.д.

Идеологи "плюралистического" марксизма отрицают единство исторического процесса, утверждая, что он состоит из обособленных явлений, не имеющих внутренней связи. Политическим следствием этого является открытая атака на международное коммунистическое и рабочее движение, так как на первый план выдвигаются особенности развития, метафизически оторванные от общего русла. Различные национальные интерпретации марксизма-ленинизма, подчеркивает автор, являются фальсификацией его теоретического содержания.

Автор критикует взгляды бывшего главного редактора чехословацкого философского журнала М.Пруха, утверждавшего, что наряду с "позитивистским сциентизмом" (как он называл диалектический материализм Энгельса и Ленина) существует якобы "творческое" направление марксизма, к которому принадлежат такие буржуазные идеологи, как Э.Фромм, Г.Маркузе, Э.Блох.

Подобные абсурдные взгляды проповедуют не только буржуазные идеологи, но и ревизионисты и антикоммунисты, например Г.Клагес, Б.Левицки, А.Вебер, И.Фетчер, А.Г. Мейер, С.Хук, Д.Белл и др. Утверждая, что Ленин русифицировал марксизм, они выступают против его учения о партии и ее руководящей роли, обвиняют Ленина в волюнтаризме и тоталитаризме.

Автор подчеркивает несостоятельность характеристики ленинизма как "русского варианта" марксизма. С этой позиции, по его мнению, невозможно понять диалектику общественного развития за последние 50 лет. Отрицание интернационального характера ленинизма означает в конечном счете страх буржуазных идеологов и антикоммунистов перед размахом революционного рабочего движения в развитых капиталистических странах и практическим осуществлением в них ленинизма. Так, Р.Гароди пропагандирует плюрализм марксизма и ленинизма, выступает против ленинизма и так называемой советской модели социализма, которые, по его мнению, неприемлемы для высоко развитой Франции. Гароди представляет себе партию не боевым отрядом, а чем-то вроде дискуссионного клуба и отказывается от "официальной философии", т.е. от марксизма-ленинизма.

Автор делает следующий вывод: рассуждения о "плюрализме" марксизма, о существовании "национальных форм" и "различных моделей" социализма являются попыткой замаскировать ревизионистские извращения марксизма, открыть дорогу проникновению буржуазной идеологии в рабочее движение.

Автор подчеркивает необходимость учета как конкретно-исторических условий и национальной специфики, так и общих закономерностей для успешного строительства социализма.

В главе "Современный ревизионизм как буржуазная идеология" автор указывает, что классовые корни ревизионизма уходят в мелкобуржуазные слои тех социалистических государств, где еще не решены задачи переходного периода или социалистические преобразования проведены лишь недавно. Он говорит о необходимости учета и внутренних и внешних источников ревизионизма (воздействие империалистической буржуазии на рабочий класс

социалистических государств, использование ею инструментов идеологического и политического влияния на массы).

Все основные политические лозунги и теоретические аргументы ревизионизма служат антикоммунистической пропаганде, так как в трактовке идеологических проблем смыкаются с современной буржуазной идеологией.

Для концепции социализма "левых" ревизионистов характерен крайний эклектизм: формальное признание некоторых тезисов марксизма у них сочетается с троцкистской идеей перманентной революции, авантюризмом, заигрыванием с молодежью, ориентацией на крестьянство как главную силу революции и т.п. И правому, и "левому" ревизионизму, как и современной буржуазной идеологии, свойственно стремление показать, что революционный переход от капитализма к социализму не является закономерностью. Причем правые утверждают, что научно-техническая революция коренным образом изменила капитализм, его характер, превратив его в "народный капитализм", индустриальное общество, "организованное общество" и т.п. В действительности же вмешательство государственно-монополитического капитала в экономику не освобождает капитализм от противоречий, вытекающих из самого существа этой общественной формации.

Автор подчеркивает, что никакие словесные атаки "левых" ревизионистов на империализм не могут скрыть их фактической капитуляции перед ним. "Левые" со своим неверием в революционные возможности рабочего класса высокоразвитых капиталистических стран как бы с другой стороны подходят к выдвигаемому правыми тезису об обуржуазивании рабочего класса и его "интеграции" в капиталистическую систему. "Левые" делают из этой посылки псевдореволюционные выводы о перенесении центра мирового революционного движения в "провинцию", в страны

Азии, Африки и Латинской Америки и о крестьянстве как движущей силе революции.

Ревизионисты неверно оценивают социалистическое общество и перспективы его развития. Правые ревизионисты, взяв на вооружение теорию "единого индустриального общества" и теорию "деидеологизации", призывают к мирному сосуществованию в области идеологии; они считают ленинский принцип партийности "догматическим" и несоответствующим новым условиям.

Автор обращает внимание на совпадение оценки идеологов империализма и правых ревизионистов, с одной стороны, и "левых" ревизионистов — с другой, сущности социалистического общественного строя и перспектив его развития. Он приводит в этой связи высказывания буржуазного историка А.Тойнби, утверждавшего, что в будущем общественные системы Советского Союза и США фактически совпадут, и заявления "левых" оппортунистов о якобы уже происшедшей реставрации капитализма в СССР.

Автор подчеркивает, что, хотя политика и идеология "левых" ревизионистов и представителей монополистического капитала имеют различные классовые и социальные корни, эти политические и идеологические линии сближаются и стремятся к одной и той же цели: обе они являются антисоветскими и буржуазно-националистическими и служат антикоммунизму.

Идейно-политическая борьба между марксизмом и ревизионизмом всегда концентрировалась на вопросах политической организации общества, функциях социалистического государства, вопросах свободы и демократии, руководящей роли коммунистической партии в строительстве социализма.

И в этом правый и "левый" ревизионизм практически сближаются, поскольку пытаются лишить рабочий класс его ведущей роли в обществе, подорвать основы его диктатуры.

Правые выступают глашатаями "либерализации" и "демократизации", стремятся расшатать весь механизм социалистического государства и заменить его плюралистской системой буржуазного типа. Смыкаясь с буржуазными социальными теориями, они заявляют, что государство "демократического социализма" уже не будет иметь классового содержания и не станет применять принуждения.

"Левые", не оспаривая на словах необходимости диктатуры пролетариата, на практике подрывают ее основы и открыто порывают с демократическим централизмом.

Как правый, так и "левый" ревизионизм чужды духу ленинской партийности и направляют основной удар против марксистско-ленинской партии, стремясь подорвать ее организационные принципы. Правые ревизионисты пытаются лишить коммунистические партии их руководящей роли в построении социалистического общества, "левые" хотят превратить партию либо в бюрократическую организацию, послушный инструмент в руках правящей верхушки, либо, если она мешает созданию режима личной власти, ликвидировать ее.

Империалистическая пропаганда, ревизионистские и буржуазно-националистические элементы, чтобы подорвать веру народных масс в социализм, утверждают, что руководящая роль марксистско-ленинской партии мешает демократизации социалистического общества.

В заключение автор подчеркивает, что принцип руководящей роли партии не навязан народу, а вытекает из сущности общественных отношений социализма и представляет объективную закономерность развития нового общества, что подтверждается всей практикой современной исторической эпохи. Борьба классов и идей продолжается, и всякое ослабление влияния социалистической идеологии влечет усиление идеологии буржуазной.

Е.С.Фрадкина

ЯВУРЕК З.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ И ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ
60-х ГОДОВ

JAVUREK L.

Ideologická úloha filosofických koncepcí Frank-
furtské školy a československý revizionismus
šedesátých let. - "Filos.čas.", Pr., 1973, R. 21.

№ 1, s. 91-127.

Реферируемая статья состоит из двух частей, первая из которых посвящена общей характеристике Франкфуртской школы, вторая - специфическому преломлению идей этой школы в условиях Чехословакии 60-х годов.

Полемика, которую марксизм-ленинизм ведет с Франкфуртской школой, это спор "двух противоположных способов понимания роли интеллигенции в общественно-политической борьбе современности" (с. 93). "Критическая теория общества", разработанная Франкфуртской школой, явилась выражением отрицательного отношения части западной интеллигенции к укладу буржуазного мира в эпоху империализма. Сильная сторона этой теории - ее протест против всего буржуазного, слабая - отсутствие какой бы то ни было позитивной альтернативы.

Противоречивость "франкфуртцев" в том, что они разрабатывали многие проблемы, поставленные Марксом, и в то же время активно ревизовали революционное содержание его учения. Эта школа, провозгласив себя единственной легитимной наследницей исторического материализма Маркса, в то же время отвергала все достижения социализма, построенного в целом ряде стран. Объективно выводы Франкфуртской школы оказываются по своей сути антисоветскими и антимарксистскими хотя бы в том, что ее представители упорно создают иллюзии о существовании так называемого "западноевропейского марксизма".

Возникновение "критической теории общества" можно датировать 1931 г., когда М.Хоркхеймер становится во главе Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. Институт превращается в организационный центр Франкфуртской школы. После второй мировой войны, в начале 50-х годов, институт переживает обновление под руководством Хоркхеймера и Адорно.

Схематично можно выделить основные периоды исторического развития Франкфуртской школы:

1. 30-е годы. В этот период в условиях эмиграции в США создаются "критическо-теоретические" труды Хоркхеймера, некоторые работы Маркузе и ряд работ Фромма.

2. Период второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия (фактически завершается в 1958-1960 гг.). Разрыв с марксизмом, заметный уже в предыдущий период, становится открытым. "Франкфуртцы" вырабатывают своеобразную идеологическую платформу "третьей силы". Развитое капиталистическое общество рассматривается ими как модель всех зрелых обществ (социалистических и капиталистических), тотально угрожающих человеческой личности. К этому времени относятся работы

Маркузе "Эрос и цивилизация" и "Советский марксизм", Фромма "Бегство от свободы"¹⁾.

3. Рубеж 50-60-х годов, начало третьего периода характеризуется переходом старшего поколения "франкфуртцев" к пессимизму. В работах ряда авторов возникает стремление преодолеть кризис школы как путем пересмотра некоторых ее основных положений, так и путем более "глубокой" ревизии марксизма.

4. Последний период в развитии Франкфуртской школы, совпадающий с ее разложением, начинается, по мнению автора, в 60-е годы, когда происходит радикализация определенных слоев интеллигенции и студенчества, усмотревших основной недостаток "критической теории" в соединении вульгарно понятых марксистских идей с концепциями буржуазных авторов, что неизбежно приводит к тупику. "Критическая теория общества", наиболее полно характеризующая идеи Франкфуртской школы, является критикой "традиционных" философии, социологии и политэкономии. На их место выдвигается социальная философия, претендующая на исследование всей совокупности общественной жизни.

В своей речи при вступлении в должность руководителя Института социальных исследований в 1931 г. Хоркхеймер подчеркнул диалектику взаимоотношений философии и частных наук. Философия, по его мнению, не должна быть каталогом категорий, отражающих проблематику процесса познания и исторического развития. Она лишь формулирует общие вопросы, на базе которых проводятся совместные конкретные исследования философов, социологов, экономистов, психологов и т.д.

¹⁾ Marcuse H. Eros and civilization. Boston, 1955; Soviet marxism. A critical analysis. N.Y., 1961; Fromm E. Escape from freedom. N.Y., 1972.

Как считает Хоркхеймер, носителем "критической теории" являются узкие слои интеллигенции, но в целом эта теория не может безоговорочно опереться ни на один общественный класс.

Приход в Германии к власти фашизма означал для Хоркхеймера, Адорно, Маркузе и других невозможность "реализации" "критической теории", "Франкфуртцы" окончательно отказываются от каких бы то ни было попыток практического изменения действительности и делают все больший упор на требование радикализовать критическое самосознание интеллигенции.

Давая общую характеристику Франкфуртской школы, автор подчеркивает, что острее ее критики направлено против буржуазного рационализма, якобы заложенного в антропологической и интеллектуальной структуре западного человека, как такового, и ведущего к господству институтов и технологии над людьми. Уже в ранних трудах Хоркхеймера присутствует серьезная озабоченность положением личности в эпоху империализма и в истории вообще. Основатель "критической теории" пишет: "То, что история превратила менее удачное общество в лучшее, а со временем может дать еще лучшее общество — факт. Однако фактом является и то, что путь истории лежит через страдания и несчастья индивидов. Между этими двумя фактами существует целый ряд объясняющих обстоятельств, но нет никакого оправдывающего смысла"¹⁾.

Автор считает, что представители Франкфуртской школы не смогли конкретно поставить вопрос о взаимоотношениях человека и буржуазного общества, усматривая истоки конфликта индивидуального и общественного

¹⁾ Horkheimer M. Anfänge der bürgerlichen Geschichtesphilosophie. Stuttgart, 1930, S. 92.

в психологической области и пути его устранения в саморефлексии.

Акцентирование саморефлексии ведет к апологетике "независимой интеллигенции", "критического мыслителя". В свете эмансипирующей функции саморефлексии становится понятным и утверждение Хоркхеймера о том, что "критическая теория" при реализации своих целей не может опереться ни на существующую, ни на мыслимую в будущем власть. Франкфуртская школа, отмечает автор статьи, явилась попыткой выразить интересы "тех слоев радикальной мелкобуржуазной академической интеллигенции, которая отвергает союз с революционным рабочим движением, а свой решительный протест против империализма удерживает строго в рамках легальности" (с.107).

Завершая первую часть статьи общей характеристикой Франкфуртской школы, автор называет мыслителей, подготовивших почву для создания критической теории общества: Вебер, Трёльче, Ницше, Дильтей, Кьеркегор, Гуссерль, Хайдеггер.

В целом, отмечает автор, Франкфуртская школа явилась прототипом так называемого "западноевропейского марксизма", который противопоставляется его приверженцами "восточноевропейскому марксизму", страдающему, дескать, ограниченными, с их точки зрения, особыми историческими условиями "Востока". "Западноевропейский марксизм" отвергает ленинский этап в развитии марксизма, критикует под видом "сталинизма" всю марксистско-ленинскую теорию. В этом его качестве "западноевропейский марксизм" является разновидностью антикоммунизма.

Вторая часть статьи называется "Критическая теория" и чехословацкий ревизионизм 60-х годов". Негативную роль идей Франкфуртской школы в ЧССР в период ее кризиса автор объясняет тем, что они были подхвачены акаде-

мической интеллигенцией мелкобуржуазной ориентации — их подлинным "адресатом".

Проникновение идеологии Франкфуртской школы было облегчено тем, что у определенных кругов чехословацкой интеллигенции критика культа личности на XX съезде КПСС получила неверное толкование и вызвала скептическое отношение к практике социалистического строительства в целом.

Первым выражением этой тенденции стал спор о соотношении идеологического и научного элементов в философии и теории марксизма, открытый в 1956 г. в "Литерарных новинах" И.Свитаком и К.Косиком. В тех условиях оба автора вели борьбу против догматизма, за "строгое, критическое, революционное мышление", за "независимость теории" (с. II5—II6). В то же время Косик провозглашал, что XX съезд КПСС покончил с господством идеологии в марксизме, расчистил место для научной теории. Марксизм, утверждали оба автора, может развиваться как свободная от субъективизма теория лишь в том случае, когда он не зависит от интересов личностей и классов, т.е. лишь в творчестве "критического мыслителя", не связанного с партией и интересами пролетариата.

В этих взглядах, отмечает автор, обнаруживается удивительное сходство с идеями Франкфуртской школы. Их развитие прямо ведет к переходу на позиции "западноевропейского марксизма".

В 1963 г. вышла работа К.Косика "Диалектика конкретного"¹⁾. "Франкфуртцы" тотчас же относят ее к "хайдеггеро-марксизму", разработанному Г.Маркузе. В этой книге К.Косик, например, на вопрос: "Что есть практика?" — отвечает: "Практика есть сфера человеческого

¹⁾ Kosik K. Dialektika konkretného. Pr., 1963.

бытия. В этом смысле понятие практики является достижением философии нового времени, которая, полемизируя с платоновско-аристотелевской традицией, подчеркнула аутентичный характер человеческого творчества как онтологической реальности¹⁾. За такой и подобными ей формулировками у К.Косика полностью исчезает исторически определенная, конкретная, революционная практика рабочего класса.

Эволюция К.Косика достигает вершины в его публицистической деятельности в 1968 г. В серии статей "Наш нынешний кризис" развиваемые им философские категории становятся предельно абстрактными. Целиком утрачивает классовую определенность категория политики, растворенная в общих формулировках типа "политика - это неощутимая игра", "политика стала для современного человечества судьбой" и т.п. "Чешский вопрос" для К.Косика представляется поисками "смысла существования народа". Под влиянием Маркузе и его учителя Хайдеггера Косик мистифицирует понятие научно-технической революции, редуцирует социализм и капитализм к единой основе "всеобщего манипулирования", утверждая, что социалистическому обществу, как и капиталистическому, угрожает засилье калькулирующего и манипулирующего технического разума. Такая характеристика "общества XX столетия" является ядром его "критического мышления" и свидетельствует о близости его взглядов представителям Франкфуртской школы.

В начале 60-х годов в Чехословакии все чаще начинают выходить как статьи об этой школе, так и отдельные произведения "франкфуртцев". Наряду с серьезными попытками критического разбора их идей (работы И.Филиппа, Е.Лышковой), прослеживаются две тенденции реви-

¹⁾ Kosík K. Dialektika konkrétního. Pr., 1963, s. 154.

зионистского характера: 1) пропаганда авторов и идей Франкфуртской школы как прототипа "независимого западного марксизма"; 2) попытка "гуманизировать" марксизм на базе воззрений прежде всего Фромма и Маркузе, т.е. представителей американской ветви школы.

Наиболее характерным выражением первой тенденции служит публицистическая деятельность Л.Сохора в "Литерарных новинах", "Пламени" и других изданиях. По его мнению, марксизм переживает распад творческих духовных сил, а простая схема, согласно которой принятию марксизма как философской теории и метода научного исследования однозначно соответствует политическая ангажированность, давно уже не действует. Он нападает на "институциональную логику", связывающую марксизм с политическим движением, и заключает, что реальное видение мира должно соотносываться с тем фактом, что в мире существуют ученые и философы, принявшие основные концепции марксистского мировоззрения, но не связывающие себя организационно с политическим движением, использующим марксистскую программу. Вместе с тем, утверждает он, широкие массы, участвующие в мировом коммунистическом движении, весьма далеки от Марксова видения мира и от марксистского научного мышления. Л.Сохор проводит мысль о том, что 30-е годы, с одной стороны, были периодом застоя в развитии марксизма (под влиянием "сталинского" понимания философии), а с другой — привели к появлению возрожденческих тенденций. Он вспоминает имена Грамши и Лукача, но, конечно, имеет в виду прежде всего Маркузе и других "франкфуртцев", когда пишет, что истории принадлежат те творения, в которых скрывается трагическое противоречие между интеллектуальной силой и практическим бессилием мыслителя.

В 1967 г. Л.Сохор "углубляет" свою точку зрения. Его пропаганда независимого, неинституционализованного марксизма "критических мыслителей", стоящих вне коммунистического движения, дополняется открытым обоснованием известного тезиса К.Косика о конце "господства идеологии в марксизме".

Касаясь вопроса о связи Франкфуртской школы с чехословацким ревизионизмом, З.Явурек называет также работы Т.Масарика, в которых, подобно "франкфуртцам", противопоставлялся "молодой" Маркс "зрелому", проводился водораздел между "гуманистической" теорией Маркса и "онтологией" Энгельса, отвергалось значение русского большевизма вообще, а для Запада в особенности,

С 1965 г. в чехословацкой литературе, отмечает автор, наблюдался настоящий "фроммовский взрыв". В систематической форме его проводит К.Маха, утверждавший, что Фромм — это автор, в творчестве которого выражены все существенные проблемы современной философской антропологии, вдохновитель "социализма с человеческим лицом".

Внутренняя связь чехословацких "гуманизаторов" Маркса, Франкфуртской школы и Масарика была обнажена в посвященной Масарику книге М.Маховца¹⁾ (1968), рассматривающего Масарика прежде всего как критика современной эпохи.

Он считал, что для понимания своеобразия феномена "Масарик" в истории чешской и до некоторой степени мировой мысли многое дают такие "позднейшие" идейные течения, как: I) некоторые современные социологические и социально-психологические школы, вскрывающие противоречивость нашей цивилизации, особенно опасное воз-

¹⁾ Machovec M. Tomáš G. Masaryk. Pr., 1968.

действие механизации, автоматизации, стандартизации и институционализации жизни на человеческое существование (Фромм, Маркузе, Адорно и др.); 2) современная философия экзистенциализма; 3) диалектическая экзистенциальная теология К.Барта, П.Тиллиха, Р.Булмана, К.Рахнера и др.; 4) признание самими марксистами важности антропологически-экзистенциального и индивидуально-этического моментов для дальнейшего развития своей науки.

Как и у Масарика, в книге Маховца решающую роль играет проблема гуманизма, понимаемого в качестве некой человеческой константы. Маховец прослеживает единую линию, идущую от Сократа и Августина к Паскалю и Кьеркегору, далее — М.Буберу и Э.Фромму. Венцом этого направления должен, по мнению Маховца, стать "гуманистический марксизм", для представителей которого внутренняя жизненность и динамизм выше всех знаний аристотелевского толка. Он считает, что марксистское движение должно осознать смысл этих ценностей, иначе оно не сможет решать им же поставленные задачи, прежде всего указывать путь к реальному освобождению личности.

Таковы главные направления выступлений чехословацких ревизионистов, подхвативших идеи Франкфуртской школы.

В.И.Максименко

СЕДЛАК Я., ШУЛЬЦ О.

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ФУТУРОЛОГИИ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

SEDLAK J., ŠULC O.

Vznik buržoazní futurologie
a její vliv v Československu. -
"Sešity", Pr., 1971, N 7, s.3-43.

В статье Седлака и Шульца анализируется формирование буржуазной футурологии на Западе, ее основные современные направления, а также специфическое преломление ее идей в условиях Чехословакии 60-х годов.

После второй мировой войны на Западе усилился интерес к междисциплинарному исследованию будущего. В работах австрийского публициста Р.Дитка, английского ученого и писателя-фантаста А.Кларка, французского социолога Ж.Фурастье, американского кибернетика Н.Винера и других отчетливо было выражено стремление преодолеть рамки частных дисциплин и обратить внимание на необходимость систематического исследования будущего.

К 60-м годам футурология на Западе оформилась как самостоятельная дисциплина. По образцу американского Гудзоновского института были основаны специальные институты в Западном Берлине, Мюнхене, Ганновере, созданы рабочие группы по изучению 1985 и 2000 годов. Воз-

ники международные организации, учебные центры и кафедры футурологии в Вене, Риме, Осло, Токио. В настоящее время в каждой высокоразвитой капиталистической стране Европы работает не менее десятка футурологических институтов и центров, а в Соединенных Штатах их насчитываются сотни (при каждом крупном промышленном концерне, правительственном учреждении, университете).

В конце 60-х годов видные представители футурологии — К.Штейнбух, К.Ф.фон Вайцзекер, К.Флехтгейм, Р.Юнгк и другие — дискутировали о прогностических методах и их применении. В результате стала вырисовываться трехединая задача футурологии: предвидение социальных потребностей и социальных перемен, технического развития и развития науки.

Характерными чертами буржуазной прогностической методологии являются, по мнению автора, приемы интуитивного предвидения, отметание всего, что выходит за рамки чистой экстраполяции. В методологической ориентации отчетливо проявляется идеологическая предвзятость буржуазной футурологии. Например, макропрогнозы Германа Кана не оставляют места коренным общественным изменениям. Г.Кан строит образ мира "без неожиданностей", на основе продолжения в будущем современных тенденций роста образования и благосостояния, увеличения удельного веса в обществе элиты, накопления научно-технических знаний и т.д. Цель Кана — обнаружить и обуздать те перемены, которые могли бы поставить под угрозу буржуазные принципы.

Технизированная методология буржуазного футурологического мышления опирается на экстраполяцию современных возможностей научно-технической революции и сводится в основном к "размышлениям над вопросами социальной терапии средствами технических приспособле-

ний" (с. II). Типичным продуктом подобной методологии является книга Кана и Винера "Год 2000"¹⁾, в которой с помощью разработки сценария нескольких десятков событий и экстраполяции современных тенденций развития творится образ "стандартного мира" 2000 года. Авторы книги не допускают, что с течением времени правила игры с будущим могут меняться, т.е. они игнорируют, и в этом порок их методологии, возможность качественных скачков в общественных отношениях и общественных ценностях. Таким образом, иллюстрация будущего мира становится самой заурядной пропагандой.

В некоторых случаях влияние буржуазной идеологии на методологию футурологических исследований осуществляется в скрытой форме. Так, например, обстоит дело в случае с дельфийской методикой — специальной техникой анкетирования, усовершенствованной президентом Института будущего (США) О.Хельмером. С момента ее изобретения в 1964 г. дельфийская методика применялась в самых различных исследованиях. Суть ее заключается в систематическом сопоставлении прогнозов ряда специалистов, причем к вопроснику, который получает каждый участник, прилагаются мнения и аргументация его коллег. Конечной задачей этой экспертизы является составление на основе статистически вероятностных методов общего прогноза.

При оценке научной значимости дельфийской методики, пишут Седлак и Шульц, необходимо учитывать, что получаемые с ее помощью прогнозы составляются не в результате всестороннего изучения объективной реальности, а на основе субъективных, интуитивных знаний небольшого числа людей. Они подчеркивают, что метод анкетной экспертизы может быть использован при решении определенного круга проблем в условиях долгосроч-

1) Kahn H., Wiener A.I. The year 2000. N.Y., 1967.

ного социального планирования и прогнозирования, главным образом в тех случаях, когда каждый из опрашиваемых является экспертом по какому-то одному аспекту проблемы и нет эксперта по проблеме в целом. В основном же, подчеркивают авторы, буржуазная прогностическая методология, не выходящая за рамки чистой экстраполяции, служит в первую очередь инструментом оправдания и увековечения капитализма: во-первых, потому, что выработка долгосрочных экономических программ в капиталистическом мире осуществляется втайне, без участия общественности: во-вторых, потому что сами специалисты и эксперты, прогнозирующие будущее, далеки от интересов миллионов простых людей.

Характерным признаком антигуманистической футурологии является элитарность, стремление рассматривать "простых людей" как безликую массу, которой можно определенным образом манипулировать. Так, в статье футуролога Э.Мишема, опубликованной в английском общественно-политическом еженедельнике "Энкаунтер" под названием "Футуризм - и будет еще хуже", предельно открыто выражены элитарные пристрастия: "Немногие, очень немногие... принадлежат к избранным... Они знают друг друга лично через опубликованные работы. Они образуют великое международное братство, и их нетерпение возрастает, когда они сталкиваются с ограничениями, налагаемыми национальными государствами" (с.24). Более широкие слои интеллигенции (не входящей в несколько тысяч избранных) вызывают у Мишема только презрение. В будущем они, по его мнению, будут служить лишь источником волнений и настроений отчаяния. Он задается вопросом, что будет делать научная элита, которая придет к власти, с массами простых людей, и отвечает на него следующим образом: "Будет расти искушение изба-

виться от них. Моральные возражения, видимо, не будут решающими... однако методы, по-видимому, не будут крутыми. Например, источники воды можно будет распределить так, что станет невозможным дальнейшее воспроизводство людей... Через несколько поколений останутся только несколько тысяч избранных, которые и поделят нашу планету. Так завершится казус человечества и начнется эра чистой науки" (с.24-25). Мишем делает вывод о неизбежности этого процесса, исходя из последствий развития технической цивилизации, и не включает в свои расчеты возможность термоядерной войны. Другие же футурологи с еще большим цинизмом рассуждают об уничтожении человечества в ходе термоядерного конфликта. К ним принадлежит, в частности, жрец американской футурологии Герман Кан.

О складе ума этого футуролога говорит Роберт Онгк в интервью парижскому еженедельнику "Экспресс": "В сущности, он занят игрой со своей собственной гениальностью и с жизнями сотен миллионов людей. Для него все это лишь числа, тогда как для кого-то это могло бы стать огромным несчастьем. Если бы современный мир сгорел в пламени, то подозреваю, что Кан заявил бы: ну и что с того, ведь вместо него будет другой мир!" (с.25).

Далее авторы рассматривают прикладную футурологию З.Бжезинского. Его книга "Между двумя эпохами"¹⁾ является одной из последних, где подчеркнута связь между футурологией, политикой и идеологической борьбой. Согласно Бжезинскому, будущее имеет как бы два лика. Во-первых, это современная действительность США, в основных чертах предвосхищающая более раннее или позд-

¹⁾ Brzezinsky Z. Between two Ages. N.Y., 1970.

нее будущее всех стран мира. Во-вторых, это будущее, которое еще нигде не существует как действительность, но лишь как потенциальная возможность. Эту возможность З.Бжезинский опять-таки находит в Соединенных Штатах, которые он рассматривает как ведущую страну земного шара. З.Бжезинский полагает, что будущее не отторгнуто от настоящего, но как бы содержится в нем в зародышевом состоянии.

Социальным механизмом будущего у Бжезинского выступает так называемое технотронное общество, которое является вариантом постиндустриального общества Даниэля Белла.

Характеристику технотронного общества Збигнев Бжезинский сводит к десяти пунктам: 1) более быстрый рост сферы обслуживания по сравнению с промышленностью, постепенная замена автоматами человека, которому остается функция обслуживания машин; 2) жизнь широких слоев населения становится монотонной и бесцельной; 3) учение и самообразование сопровождают человека всю жизнь; 4) знания, квалификация становятся инструментом власти; 5) университеты превращаются в "мыслящие танки" и проникают в самую сердцевину общественной жизни; 6) повышается роль прагматического подхода к проблемам, возрастает заинтересованность в сохранении человеческих ценностей, падает значение объединяющих идеологий; 7) усиливается значение проблемы участия широких масс в принятии решений, женщины требуют полного равенства; 8) телевидение втягивает в политическую жизнь миллионы ранее пассивных людей; 9) экономическая власть деперсонифицируется, складывается тесное сотрудничество правительственных институтов, в том числе армии, с научными заведениями и промышленными кругами; 10) возрастает интерес к повышению качества жизни в целом.

В некоторых разделах книги Бжезинский представляет технотронное общество как альтернативу всего человечества: "Современная Америка, по его мнению, — это лаборатория мира. Проблемы, которые только начинают вставать перед наиболее развитыми странами и которые развивающимся странам лишь мерещатся издали, целиком поглощают Америку. Все фундаментальные проблемы нашей эпохи наиболее четко определены в Соединенных Штатах"¹⁾. США, по Бжезинскому, — это страна, в которой протекает самая радикальная революция современности — технотронная революция.

З.Бжезинский рассматривает и перспективы развития Советского Союза, называя при этом пять альтернатив: 1) олигархическое окостенение страны, что, по его мнению, означает продление нынешнего состояния в будущем; 2) плюралистическая эволюция, результатом которой будет установление в СССР режима, в чем-то схожего с режимом в Югославии; 3) технологическая адаптация (примером может служить ГДР); 4) активистский фундаментализм, или "культурная революция"; 5) политическая дезинтеграция, т.е. распад существующей в СССР политической власти. Он полагает, что с наибольшей вероятностью в Советском Союзе реализуется со временем комбинация первого и третьего вариантов, что приведет к утверждению в этой стране "технотронного коммунизма".

Збигнев Бжезинский считает, что одним из аспектов современного развития, определяющего черты будущего, является социально-экономическое соревнование Советского Союза и Соединенных Штатов. Благодаря действию средств массовых коммуникаций ход и результаты этого

¹⁾ Brzezinsky Z. Between two ages. N.Y., 1970, p.196.

соревнования оказывают большое идеологическое влияние на весь мир.

Известная оригинальность взглядов Бжезинского для западной футурологии состоит в том, что, по его мнению, в процессе развития две крупнейшие державы мира сближаются, образуя тождественные системы, носящие признаки и капитализма, и социализма. Однако Седлак и Шульц отмечают несправедливость критики некоторых чехословацких пропагандистов, причислявших Бжезинского к проповедникам теории "конвергенции". Ведь еще в 1963 г. он написал в книге "Политическая власть: США - СССР": "Поэтапное, параллельное развитие обеих систем, а не их конвергенция - таким представляется недраматический образ будущего"¹⁾.

Рассматривая проблему соревнования СССР и США в военной области, Бжезинский исходит из факта равновесия сил в духе никсоновского послания конгрессу от 25 февраля 1971 г. и предсказывает, что в будущем Советский Союз достигнет больших успехов, чем США, как в области освоения космоса, так и в области оборонных исследований; советская военная техника в будущем сравняется с американской, а по некоторым видам оружия превзойдет ее. Это, по его мнению, произойдет в результате еще большей концентрации в СССР научных талантов и экономических возможностей, к чему весьма располагает советская организационная структура. В то же время Бжезинский пытается доказать, что в области экономики США принадлежит ведущая роль в соревновании двух систем.

Типичным представителем буржуазной футурологии

¹⁾ Brzezinsky Z. Political power USA-USSR. N.Y., 1963, p.436.

является Хасан Озбекхан, член совета директоров "Дженерал электрик". Он выступает за подлинно научное и независимое от политики "изучение будущего". Для этого, по его мнению, необходимо моделировать различные версии будущего, которые не являются простым продолжением настоящего, и делать это следует на базе различных ценностных систем, в том числе и отличных от принятой. Однако для моделирования "иных будущих" предполагается использовать счетно-вычислительные машины американских фирм, что, по мнению авторов, приведет к однозначному результату: в этих моделях все альтернативы будут иметь характер зависимых переменных; иначе говоря, будут подчинены главной задаче консервации существующего буржуазного строя - ведь конечный результат зависит от концепций программ, предлагаемых машине.

Далее авторы рассматривают специфическое преломление идей буржуазной футурологии в условиях Чехословакии 60-х годов. Они отмечают, что лозунг Маркузе о "великом отказе" от институционализированной технологической цивилизации как источника одномерной манипуляции человеком отражается в псевдорадикальной критике социалистических институтов эпохи научно-технической революции у Карела Косика. В рыночной модели Ота Шика проступает вульгаризированная теория "стадий экономического роста" У. Ростоу, концепций Р.Арона и Д.Гэлбрейта. Теория спасительной миссии интеллектуальной элиты привела И.Свитака в центр наиболее оголтелого антисоветизма - Институт исследований проблем коммунизма под руководством Бжезинского.

Причины распространения влияния в ЧССР буржуазной футурологии различны. С одной стороны, имел место естественный интерес к возможностям быстрой реализации потенциала науки и техники, с другой - присутствовали

элементы некритического преклонения перед достижениями буржуазной социологии и футурологии, а также стремление исправить ошибки, допущенные в результате одностроннего и механистического подхода к проблемам будущего.

В рассуждениях некоторых чехословацких теоретиков конца 60-х годов о перспективах технического прогресса проявлялся типичный элемент буржуазного футурологического мышления — идея постепенного сближения капиталистического и социалистического общественного строя под влиянием нивелирующих тенденций научно-технической революции.

Абсолютизация экономического роста как единственного фактора развития и игнорирование различий общественных систем — этой главной причины отставания народов "третьего мира" — содержатся в работах Радослава Селуцкого.

Подобно Кану и Ростоу, рисуящим перспективы отдельных стран в зависимости от уровня экономического развития и темпа роста, Селуцкий видит единственное спасение Чехословакии, а также развивающихся стран в ускорении технического развития. Для Чехословакии в будущем он находит только одну приемлемую возможность — полную реализацию "модели товарной децентрализованной экономики" как предпосылку того, чтобы к 2000 г. вплотную подойти по своему экономическому уровню к наиболее развитым странам. Перспективы развивающегося мира Селуцкий связывает со всеобщим и полным разоружением, которое высвободит возможности эффективной экономической помощи со стороны развитых стран и позволит преодолеть существующий разрыв "примерно за 100 лет".

С 1969 г. под влиянием иностранной футурологической литературы в Чехословакии появляются специальные

работы по проблемам футурологии, содержащие информацию о новых прогностических методиках, причем в ряде работ встречается терминологическая путаница, они отмечены субъективизмом.

Наряду с этим потоком некритической литературы выходили статьи, в которых переосмысливаются результаты развития футурологии на Западе с точки зрения марксизма. Например, в предисловии И.Филиппца к книге Ж.Фурастье "40000 часов"¹⁾, вышедшей в Праге в 1969 г., содержится анализ некоторых противоречий буржуазной футурологии. "При всей нашей симпатии к футурологии, — пишет Филиппец, — было бы наивно не видеть некоторых ее подводных камней, противоречий и слабостей. Одно из главных ее противоречий носит объективный характер: очень трудно преодолеть препятствие, связанное с попыткой предвосхитить, угадать эпоху и все последствия научных открытий, причем современное и еще в большей мере будущее общество характеризуется при этом через акселерацию научных экспериментов и изобретений, а также через небывалый рост их общественного значения. К этому примыкают некоторые другие слабые места большинства современных футурологических концепций, как то: модная фетишизация науки и научно-технического прогресса, обожествление чисел и вообще количественных методов, односторонняя характеристика поведения людей и общественного процесса с помощью экономико-технических показателей и связанное с ней представление о почти машинном характере человеческой деятельности, беспомощность в оценке сложных парадоксов в жизни общества и индивида, недостаточное внимание, уделяемое своеобразию функционирования обществен-

¹⁾ Fourastié J. 40000 hodin. Pr., 1969.

ных институтов, качественным характеристикам, ценностям и нормам, а также, не в последнюю очередь, подмена того, что будет в более или менее далеком будущем, тем, что в действительности есть сегодня"¹⁾.

Экономизированный взгляд Германа Кана и других американских футурологов на 2000 г. критиковал В. Соják: "Закрадывается скептический вопрос: как можно заглядывать в столь отдаленное будущее, да к тому же всей планеты, когда отдельные страны и народы не в состоянии предвидеть и тем более решать стоящие в гораздо меньшем масштабе и в гораздо более короткие сроки основные вопросы своего существования? И тем более если мы вспомним, сколько было нереализованных планов и прогнозов, провозглашенных высшими государственными органами"²⁾.

Но вместе с этими и некоторыми другими сдержанно-критическими статьями появлялись в Чехословакии и такие, в которых футурология объявлялась спасительной супернаукой. Так, М. Земан в статье "Футурология и философия" писал: "На основе приведенной рабочей гипотезы мы можем сформулировать социальный заказ, предъявив его новой науке, которая будет отвечать следующим требованиям: а) делать возможным исследование пространственных связей между подсистемами; в) исследовать имеющуюся макро-систему во времени. Эти два требования, которые с определенной долей неточности можно назвать постулатами комплексности и динамичности, образуют науку, именуемую футурологией"³⁾.

1) Fourastie J. 40000 hodin. Pr., 1969, s. 5-6.

2) Soják V. Pohledy do roku 2000 - Futurologie.- "Tribuna", 1969, s. 29.

3) Zeman M. Futurologie a filosofie.- "Filos. čas.", Pr., 1969, R. 17, N 4.

М.Земан, отмечают авторы, манипулирует иностранными словами и неопределенными терминами. В 1970 г. он опубликовал работу "Футурологические подходы", которая характеризуется дальнейшей кристаллизацией его ранних взглядов: "Иногда спрашивают, почему мы хотим пустить в ход новый термин "марксистская футурология" там, где до сих пор всегда шла речь о теории научного коммунизма. На наш взгляд, ставить так вопрос совершенно неправомерно. В такой его постановке не принимается во внимание сложное диалектическое взаимоотношение между общим и особенным, между абстрактной теорией и исторически обусловленной необходимостью ее конкретизации. Марксистская футурология — это не иное название и не замещение теории научного коммунизма, а его дальнейшее развитие до операционального уровня, отвечающего изменившимся историческим условиям. Марксистская футурология интересуется экономическими, техническими и иными структурами будущего (в том числе их взаимодействием) на таком уровне дифференциации, который не включает в себя теория научного коммунизма. Отношение между научным коммунизмом и марксистской футурологией — это отношение определяющей альтернативы к множеству вариантов, этой альтернативой предполагаемых"¹⁾.

Подобных взглядов придерживается и М.Фейт, выступивший в августе 1969 г. на семинаре Социалистической академии с докладом "Футурология и социология". Доклад заканчивался такими словами: "Я полагаю, что футурология может со временем стать наукой в марксистском смысле этого слова, если она будет занимать критические позиции в отношении немарксистских концепций, прежде всего их идейных аспектов. В этом, видимо, зак-

¹⁾ Zeman M. Futurologické přístupy. Pr., 1970, s. 99.

лучается ядро спора о том, признавать ли понятие "футурологии". Здесь ситуация аналогична ситуации в других общественных дисциплинах, используемых буржуазными идеологами для апологетики капиталистического строя. Так было и в конкретном случае с социологией, однако этот термин марксистские социологи признают при условии, что речь идет о марксистской, материалистической, диалектической интерпретации исследуемых социологией проблем" (с.38-39).

Резюмируя терминологический спор вокруг вопросов футурологии, Седлак и Шульц пишут: "Существует только одна наука о будущем - марксистско-ленинская теория и ее составная часть - научный коммунизм. Разумеется, эта наука развивается как в результате возникновения новых явлений, так и в результате углубления нашего познания; она решает новые проблемы, уточняет свои понятия и выводы. Новые прогностические методы, таким образом, представляются лишь удобными инструментами объяснения сложных обстоятельств общественного развития в различных областях, и в том числе перспектив научно-технической революции" (с.39).

Предпосылкой успешной борьбы против буржуазных футурологических концепций и критической переоценки некоторых ее результатов является, по мнению авторов, систематическое изучение теорий, аргументов и прогностической техники противника. Внутренне противоречивым, расплывчатым буржуазным концепциям будущего специалисты-марксисты могут и должны противопоставить системный подход к процессам социальных изменений в ходе научно-технической революции. В контактах с западными футурологами, отмечают авторы, следует отказаться от псевдонаучных дискуссий с представителями

апологетики капитализма. Диалог может быть плодотворным только с радикально настроенными футурологами-немарксистами, которые в борьбе с прислужниками монополистического капитализма формулируют относительно прогрессивные альтернативы. Ряд вдохновляющих идей в области развития марксистско-ленинской прогностики и борьбы с буржуазной футурологией, заключают авторы, дал XXIV съезд КПСС.

В.И.Максименко

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ
РЕВИЗИОНИЗМА В ЧЕХОСЛОВАКИИ**
(к методологии международного ревизионизма)
(обзор)

Настоящий обзор охватывает работы, посвященные критике двух основных направлений ревизионизма, проявившихся в Чехословакии в 60-е годы.

Во-первых, рассматриваются попытки ревизии марксистско-ленинской философии путем "включения" в нее буржуазных и праворевизионистских концепций, отмечаются опасные социальные последствия такого "размывания" теоретической базы марксизма, имевшие место в ЧССР в 60-е годы.

Во-вторых, критикуются попытки подменить учение о диктатуре пролетариата и ведущей роли коммунистической партии буржуазными концепциями политического плюрализма.

Исходным пунктом распространения ревизионизма явилось метафизическое противопоставление науки и идеологии, а основным методом ревизии марксизма стало проведение в жизнь концепции "открытой системы" марксистской философии.

Ссылаясь на "научную объективность", ревизионисты начали беспринципный диалог с представителями буржуаз-

ной философии и "западного марксизма", в ходе которого выяснилось, что для участников диалога не существует границ между двумя противоположными мировоззрениями - материализмом и идеализмом. Ревизионистский тезис "марксизм - открытая система" расчистил путь эклектизму и интеграционизму, бесконтрольному проникновению в среду марксистов буржуазных идей, и все это - под лозунгом "улучшения", "модернизации" марксистской философии. Под влиянием современных буржуазных и ревизионистских концепций, а также оппортунистических взглядов, взятых из истории развития чехословацкой философии, в Чехословакии в 60-е годы получили распространение антропологическая ревизия марксизма и пропаганда плюралистических теорий.

В статье В.Скаржинской "Концепция открытой системы" марксистской философии в роли "тройского коня" международного ревизионизма"¹) дается общая характеристика этой концепции и выявляются основные направления ревизии марксизма.

Автор отмечает, что тезис "марксизм - открытая система" не был изобретением чехословацких философов. "В определенном смысле псевдоматериалистическое понимание марксистской философии как "открытой системы" является характерным признаком ревизионизма на протяжении всей его истории" (с.6). Все аргументы чехословацкие ревизионисты заимствовали из различных направлений немарксистской философии или же из сочинений таких ревизионистов, как Р.Гароди, Э.Фишер, А.Лефевр и др.

Все попытки представить философию марксизма "открытой системой" проводились с позиций надклассовой

¹) Skaržinskaja V. Konceptce "otevřeného systému" marxistické filosofie v úloze "Trojského kone" mezinárodního revizionizmu. - "Sevitv". Pr..1972, N 23, s.5-51 (В.Скаржинская - советский автор, сотрудник Института философии АН СССР).

науки и тем самым служили теоретическим обоснованием всевозможных идеологических диверсий, попыткой проглотить "теорию конвергенции" в сферу идеологии. Тезис "открытой системы" прямо вытекает из лозунга "деидеологизации" и предполагает прежде всего "терпимость по отношению" к инакомыслящим, готовность перенять элементы любой философской системы, в том числе идеи буржуазных философов, а также безразличие к партийности, классовости марксистской науки" (с.7).

Обоснованию концепции марксистской философии как "открытой системы" во многом, по мнению автора, послужила нигилистическая критика предшествующего этапа развития марксизма, когда марксистская философия в результате ряда деформаций якобы вступила в противоречие с духом диалектики, утратила способность к "саморефлексии". Автор отмечает, что "в рамках ревизионизма тезис "саморефлексии" философии во имя иллюзорного "возрождения" марксизма превращается в обоснование необходимости ревизовать сами основы марксистской философии" (с.8).

Во втором разделе статьи разбираются основные направления ревизии марксизма, подчеркивается неоригинальность философских "вызихов" в Чехословакии, их прямая связь с международным ревизионизмом.

Чехословацкий ревизионизм опирается на книгу Г. Лукача "История и классовое сознание"¹⁾, в которой категория "конкретной целостности" противопоставляется ленинской теории отражения. Понятие "конкретной целостности" было провозглашено последователями Лукача центральным в так называемом невульгарном историческом материализме. Это понятие, указывает автор, можно трак-

¹⁾ Лукач Г. Histoire et conscience de classe. P., 1960.

товать как материалистически, так и идеалистически. Однако ревизионисты отрицают решающую роль экономического фактора, идеалистически извращают любое научное понятие.

"Ошибки" современных ревизионистов отличаются от ошибок молодого Лукача, допускавшего их на пути к марксизму, тогда как нынешние его последователи повторяют их при отходе с марксистских позиций.

Одним из наиболее "вдохновляющих" течений для современного ревизионизма является основанное Лукачем и Коршем "праксеологически-гуманистическое" направление в "западном марксизме". Его сторонники гипертрофируют понятие практики, противопоставляя его объективным закономерностям природы и общества. Тем самым происходит возврат к старой проблематике младогегельянства и кантианства. Представители этого направления с большой симпатией относятся к Франкфуртской школе. Мелкобуржуазный критицизм Франкфуртской школы, направленный на капиталистический мир и одновременно на социализм, провозглашающий гуманистические лозунги и в то же время отвергающий роль рабочего класса, а главное призывающий к третьему пути, особенно близок всем последователям "радикального критицизма".

Большое влияние на формирование в 60-х годах в Чехословакии философии ревизионизма оказали работы Г.Маркузе. В работе "Одномерный человек"¹⁾ Маркузе выдвигает тезис о неизбежности унифицированной манипуляции человеком в любом промышленно развитом обществе, независимо от социального строя. Идущие от Маркузе голое отрицание, протест против "технической цивилизации", апология "критически мыслящего духа" перекаче-

¹⁾ Marcuse H. One-dimensional man. Boston, 1968.

вали в 1968 г. во многие политические памфлеты чехословацких философов.

Крайними проявлениями концепции "открытой системы" марксизма явились попытки включить в марксистскую философию сюрреализм, фрейдизм и утопический социализм. Эта тенденция также идет от Маркузе, который еще в работе "Эрос и цивилизация" писал: "Чтобы считать Марксовы категории работающими и признавать, что они развиваются дальше, отражая реальное развитие капитализма, необходимо включить в теорию Маркса Фрейда и Фурье"¹⁾.

Чтобы фрейдизм лучше "вписался" в марксистскую философию, было предложено заменить понятие социальной обусловленности человека представлением Фромма о так называемой "биообщественной материальной экзистенции" человека.

Попытки интеграции в марксизм идей утопического социализма были направлены на доказательство того, что марксизм якобы не был качественно новым этапом в развитии освободительного движения. Отсюда выводилась и иллюзорность коммунистического идеала: коммунизм представлялся как такое состояние, с которым результаты наших усилий никогда не совпадут.

Автор отмечает, что огромный вред марксистской философии принесло некритическое усвоение структуралистских идей, означавшее ревизию методологии марксизма. Сам по себе структурный подход к исследованию общественных явлений и процессов ничуть не противоречит марксистской диалектике. Более того — этот подход является одним из аспектов диалектического метода, включающего изучение самой структуры наряду с конкретно-историческим

¹⁾ Marcuse H. Eros and civilization. A philosophical inquiry into Freud. N.Y., 1962, p.25.

подходом к ее развитию. Понятие структуры и структурный подход были впервые применены Марксом. Однако структурализм, рассматривающий структуру вне ее внутренней динамики, всегда вступает в противоречие с диалектикой, ибо отвергает принцип историзма, принцип развития. Универсализация структурализма всегда реакционна и имеет определенное классовое содержание, так как проводит тезис о стабильности и неизменности общественных систем.

Забвение конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений вело чехословацких философов к игнорированию классовых интересов социалистического государства, выдвижению требований, не соответствовавших условиям сосуществования социализма и капитализма. На одном из заседаний Коллегии философии и социологии АН ЧССР (февраль 1971 г.) справедливо отмечалось, что источники ревизионистских извращений марксизма-ленинизма коренились в основном в неклассовом, субъективистском подходе к оценке действительности, в отрыве общественной теории от деятельности коммунистической партии.

Автор подчеркивает, что "хотя борьба с догматизмом всегда актуальна, ревизионизм представлял и представляет сегодня гораздо большую опасность для марксизма-ленинизма и международного рабочего движения"(с.28).

В современных ревизионистских концепциях ясно вырисовывается ряд тенденций, направленных против "традиционного материалистического монизма". Автор приводит цитату из статьи В.Румла: "Историческое развитие полностью подтвердило, что отрицание характера марксистско-ленинской философии как научной идеологии было теоретическим прологом ее постепенной дезинтеграции. В 1968 г. в некоторых выступлениях наших ревизионистов отрицалась вообще какая-либо связь философии и полити-

ки. Коммунист, согласно их представлениям, может быть как диалектическим структуралистом, так и диалектическим экзистенциалистом. Тем самым эклектизм и беспринципность были возведены в принцип"¹⁾.

Выступления против монизма сочетались с пропагандой плюралистических идей, которые заимствовались из арсенала антикоммунизма: Бохенского, Веттера, Хука, Арона, Бжезинского. Источником плюралистических теорий в виде "поливариантности марксизма" стал также югославский журнал "Праксис", вокруг которого объединилась группа философов во главе с Враницким. Эта группа проповедовала закономерность "плюрализма" в марксистской философии, обусловленную якобы исторически преходящими формами развития марксизма и реакцией на его "догматизацию". "Поливариантность" марксизма доказывалась еще и тем, что последний будто бы соединяет два принципа: классовый и общечеловеческий, причем на определенном этапе, по мнению ревизионистов, классовость марксизма стала играть неоправданно большую роль в ущерб общечеловечности. Все сторонники "плюрализма", подчеркивает автор, являются одновременно противниками реальной классовой борьбы между социализмом и капитализмом.

Метафизический подход, отмечает автор, не позволил критикам обнаружить в марксистской философии ее имманентную способность к развитию в зависимости от меняющихся конкретно-исторических условий. Ревизионисты делали тот вывод, что реакцией на "догматизацию" марксизма было сначала сциентистское направление, а затем как ответ ему возникло антропологическое течение

Для чехословацкого варианта марксистской философии

¹⁾ Ruml V. K některým současným problémům a úkolům marxistické filosofie. - "Nová mysl", Pr., 1971, R. 25, s. 3, s. 353.

фии как "открытой системы" было характерно еще и то, что был открыт свободный доступ не только современным буржуазным и ревизионистским концепциям, но и всем оппортунистическим взглядам, взятым из истории развития чехословацкой философии, особенно взглядам Масарика. Это обстоятельство сыграло огромную роль в дифференциации философского фронта в ЧССР. Не было недостатка в попытках соединить воззрения буржуазного идеолога Т.Масарика с так называемым неортодоксальным западным марксизмом и экзистенциализмом.

Многими ревизионистами подчеркивалась "выдающаяся" роль Масарика в переходе от понимания философии как системы объективных истин к признанию ее творчеством, жизненным выражением человеческих потенций самого философа, а также пониманию философии как науки о человеке и его нравственном совершенствовании. Поднимались на щит и мысли Масарика о том, что социальные перемены не могут предшествовать улучшению морального состояния общества, что предпосылки более совершенного общественного устройства создает лишь рост числа нравственно здоровых и критически мыслящих индивидов. Автор отмечает, что эта концепция отвлекала внимание общественности от классовой борьбы, от реального существования классов и партий ради сосредоточения усилий на выполнении моральных обязанностей.

Представители абстрактно-гуманистического направления ревизионизма подменили марксистское учение о личности так называемой "философией человека", отрывая проблему человека от конкретных условий его общественного бытия, отрицая, что сущность человека — совокупность общественных отношений. Ревизионисты конструировали абстрактного, внеисторического человека, которого легко можно было бы включить в любую псевдоматериалистическую схему.

"Критики" обвиняли марксизм в том, что, делая упор на общественной сущности человека, он игнорирует якобы единичное и особенное в человеческой личности. Автор подчеркивает, что марксизм никогда не сводил человеческую личность к ее общественной основе. Тезис "совокупность всех общественных отношений" означает прежде всего, что самопознание человека, его внутренний мир реализуются прежде всего на основе его объективизации, в связи с его практической деятельностью в определенных конкретно-исторических условиях.

Антимарксистская "философия человека" — это шаг назад от понимания диалектики субъективного и объективного в развитии общества. Более того: с позиций абстрактного гуманизма прямо обосновывается необходимость ликвидации социализма во имя "свободы индивида", преодоления (как в чехословацком варианте) "несоответствия" между теоретическими схемами социализма и социализмом реально существующим.

В ЧССР осуществляется анализ теоретических корней абстрактно-гуманистических концепций. При этом, по мнению автора, недостаточно критикуется теория "деятельной сущности человека". "Абсолютизация деятельной сущности человека не может не вести к индетерминизму, философскому индивидуализму и неправильному пониманию свободы индивида. Если практическая деятельность людей понимается только как субъективная, а внешний мир как следствие объективизации человека, человек выступает "освобожденным" от социальной обусловленности" (с.38).

Вторым основным направлением ревизионизма в Чехословакии было неопозитивистское, экстраполировавшее методы точных наук на марксистско-ленинскую философию и заменившее социально-политическую характеристику общества типологической, основу которой составляет сте-

пень индустриализации той или иной страны. Рассматривая перспективы общественного развития, приверженцы этого направления опирались в основном на идеи Р.Арона и У.Ростоу. Анализ социализма и капитализма как типов обществ, базирующихся на определенных формах собственности, они подменили искусственной концепцией "индустриального общества", которое вступило на известную ступень научно-технической революции. На этой основе был сформулирован спекулятивный вывод о "конвергенции", т.е. сближающемся развитии социалистических и капиталистических стран.

Рассуждения о "двух вариантах одного типа прогрессивного индустриального общества" имели целью провести мысль о том, что в условиях современной научно-технической революции форма собственности на средства производства якобы утратила свое значение, что социальный прогресс может быть обеспечен одним техническим прогрессом и реформами. Главной задачей подобных концепций было обойти, хотя бы в теории, социальную революцию, экстраполировать общественные отношения развитых капиталистических стран не только на весь остальной мир, но и на будущее человечества.

В заключение автор подчеркивает, что, способствуя проникновению в марксизм буржуазных и ревизионистских идей, отстаивая "плюрализм" марксистской философии, концепция марксизма как "открытой системы" не только выполняет роль "троянского коня" в коммунистической теории, но ведет к прямому разложению социализма, наносит огромный ущерб всему международному коммунистическому и рабочему движению.

В статье Грзала и Негопилика, опубликованной редакцией журнала "Filos. čas." под рубрикой "К анализу развития чешской философии после 1945 года", содержится критика одного из основных направлений ревизии

марксистско-ленинской философии — экзистенциально-антропологического (так называемой философии человека)¹⁾.

Его сторонники, извращая Марксову категорию отчуждения, интерпретировали отчуждение как вечный атрибут человеческого существования.

Трудности строительства социализма, некоторые нарушения социалистической демократии, включая бюрократизм, обострение борьбы между социализмом и капитализмом способствовали тому, что "попутчики" рабочего движения стали рассматривать строительство социализма как нечто вроде бессмысленной сизифовой борьбы с отчуждением. Тенденция к тому, чтобы извращения и неудачи в строительстве социализма связывать с отчуждением, обусловлена тем, что многие административные мероприятия в период до 1968 г. трактовались "попутчиками" как политические манипуляции, типичные для буржуазного общества.

Утрата классового и конкретно-исторического подхода, попытка охарактеризовать социалистическое государство как надклассовую бюрократическую организацию, а управление социалистическим обществом как манипуляцию привело некоторых чешских авторов к утверждению, что элементы отчуждения присутствуют и в политической деятельности коммунистической партии. Категория отчуждения в понимании этих авторов стала столь многозначной, что потеряла всякую теоретическую и методологическую ценность.

Философия человека и экзистенциально-антропологическая интерпретация категории отчуждения привели к отказу от материалистической трактовки общественного развития и конкретного анализа социалистического стро-

¹⁾ Hrzal L., Netopilík J. Poznámky k antropologické revizi marxisticko-leninské filosofie.—"Filos.cas.", Pr., 1973, R. 20, N 3-4, s. 438-449, 625-640.

ительства. Эта тенденция вызревала в среде чешских философов постепенно. Ее вершиной явилась, по мнению авторов, работа К.Косика "Диалектика конкретного"¹⁾.

В этой работе К.Косик развил идеи, которые высказал еще в конце 50-х годов в ходе дискуссии о взаимоотношении науки и идеологии. Под предлогом критики вульгарного материализма он критиковал подлинный материализм, стремясь заменить марксистское положение об определяющей роли экономики по отношению к другим областям общественной жизни понятием "реальной" структуры общественного строя в идеалистическом духе, отрицая положение о первичности экономического фактора.

Косик под предлогом критики вульгаризаторского подхода к "экономическому базису" общества обрушился на самую основу исторического материализма.

Ему удалось указать на некоторые частные ошибки и непоследовательность в понимании взаимоотношений между экономической и духовной сферой жизни общества, но его критика принципа экономической обусловленности явлений вылилась в отрицание материалистического понимания истории. И.Зелены справедливо заметил: "Признать правильной критику Косика в этом пункте означало бы отступить от одного из главных марксистских принципов. Это означало бы уступку примитивистским взглядам, согласно которым "экономическая обусловленность общественных явлений" может быть понята только механически... Вышесказанное обязывает нас вспомнить ту элементарную истину, что "экономическая обусловленность общественных явлений", как ее понимает Маркс, Энгельс, Ленин и другие марксисты, не есть механическая обусловленность, что она проявляется через сложнейшие отношения, сущности и формы, отношения диалектического

¹⁾ Kosík K. Dialektika konkrétního. Pr., 1963.

единства противоречий, всевозможные формы опосредования — короче, через те категории, которые использовал Маркс для изложения материалистического понимания истории¹⁾.

Свои взгляды Косик развил в 1960 г., когда выступил с абстрактным пониманием категории "конкретной целостности". Рассматривая идейную эволюцию Косика, авторы подходят к его творчеству дифференцированно. С одной стороны, они приводят его определение "конкретной целостности" (1960 г.), которое не вызывает принципиальных возражений: "Целостность как концептуальное средство понимания общественных явлений становится абстрактной, если при этом забывают, что данная целостность есть единство базиса и надстройки, единство их взаимоотношений при определяющей роли базиса, единство их движения и развития. Точно так же целостность как единство базиса и надстройки является абстрактной, если при этом забывают, что создает базис и надстройку человек как реальный исторический субъект, человек как предметное, деятельное существо, творящий социальную действительность, т.е. целостность общественных отношений, институтов и идей, и в этом одновременно создавший себя как существо историческое и общественное"²⁾. С другой стороны, авторы отмечают, что в "Диалектике конкретного" Косик пренебрег им же самим высказанными принципами понимания категории "конкретной целостности", которая у него не без влияния Лукача и Лефевра превра-

¹⁾ Zelený J. O pseudomaterialistické tendenci v naší filosofii.—"Filos.čas.",Pr.,1959,R.7,N 3,s.649-650.

²⁾ Kosík K. Filosofické problémy struktury a systému.—In: Problemy marxistické vedy.Pr.,1962,s.34.

тилась в категорию абстрактной целостности, поскольку исчезла определяющая роль экономики в общественной жизни.

Наряду с абстрактно и псевдоматериалистически понимаемой категорией "конкретной целостности" одним из краеугольных камней мышления Косика стал так называемый критический радикализм, наиболее отчетливо проявившийся в его работе "Чешская радикальная демократия"¹⁾, еще претендующей на верность основным принципам марксистско-ленинской философии. В чехословацкой общественно-политической литературе уже в 1962 г. подчеркивалось, что К.Косик и Р.Каливода реконструируют "якобинскую" традицию чешской истории — один на материале XV в. (Р.Каливода), другой на материале XIX в. (К.Косик). Целью подобной реконструкции, как заметил в том же 1962 г. И.Свитак, было подчеркнуть европейское значение чешской мысли не только для прошлого, но и для настоящего, обосновать современный "левый" радикализм в духе таких авторов, как А.Дефевр, Г.Маркузе, Э.Фромм, Э.Фишер, С.Малле и др.

Каливода изображает Марксово понимание коммунизма и гуманизма как продолжение революционного якобинства, идеи которого "функционировали как антикапиталистические в эпоху буржуазных революций, а также задолго до буржуазных революций, когда в условиях докапиталистического товарного производства складывались силы, вызванные на свет капитализмом"²⁾. В линии якобинства, которое Каливода определяет как "либертинское направление", понимая под этим идеи свободного удовлетво-

¹⁾ Kosiík K. Česká radikální demokracie. Pr., 1958.

²⁾ Kaliyoda R. Revoluční romantický redokmen Marxova myšlení. — "Filos.cas.", Pr., 1967, R.15, N 6, s.788.

ния естественных человеческих потребностей, следует, по его мнению, искать родословную Маркса и марксизма. С точки зрения Каливоды, марксизм и анархизм являются в истории европейского мышления двумя основными вариантами плебейского либерализма. В то же время, утверждает Каливода, либертинство, якобинский идеал социального равенства выступают как революционный романтизм. Маркс, говорит Каливода, "завершает то течение либертинства, которое в свободном удовлетворении естественных человеческих потребностей усматривает смысл освобождения человека"¹⁾.

По мнению Каливоды, Маркс обогащает раннее либертинство, ставившее на передний план "первичную сферу наслаждения духовным и культурным элементом"²⁾. На вопрос, сумел ли Маркс выйти за горизонт, очерченный существовавшим до него революционным романтизмом, Каливода дает отрицательный ответ и добавляет: "Маркс остается революционным романтиком и в том смысле, что у него революционный романтизм выступает как иллюзорная и утопическая форма критики общества"³⁾.

Марксу - "революционному романтику" Каливода противопоставляет "зрелого" Маркса, который отрекается от революционно-романтического утопизма и приходит к мысли, что "для наступления общества человеческой свободы недостаточно революционно-романтического самоотрицания пролетариата, что условием этого самоотрицания является внутреннее самоотрицание капитализма как общественной

1) Ibid., S. 797-798.

2) Ibid., S. 798.

3) Ibid., S. 798.

системы и что свобода связана с определенной исторической необходимостью"¹⁾. И хотя, отмечает Каливода, конечная ценность марксистского понимания человека — освобожденный "полный" человек — в более поздних работах Маркса отступает далеко на задний план, она не раз, подобно молнии, освещает "экзистенциальный смысл железного анализа" в "Капитале".

Каливода, отмечают авторы, излагает учение Маркса в антропологически-экзистенциальном духе, в результате чего из марксизма изымается конкретно-историческая, объективная диалектика общественного развития. Он также лишает научной ценности категорию отчуждения, интерпретируя ее как вечный атрибут человеческого существования.

В работе "Современная духовная действительность и марксизм" Каливода пытается сблизить марксизм и фрейдизм. Он пишет: "Откровенно говоря, нельзя считать экономическую деятельность человека материальным фактором последней инстанции. В содержательном смысле таким фактором является биопсихическая энергия человека... Не говоря уже о том, что сами классовые интересы являются лишь определенными выражениями более глубоких сил и давлений, существующих в человеке, биопсихическая энергия проецируется прямо и непосредственно на жизненное содержание культурного слоя в общественном человеке"²⁾.

Прикрываясь критикой вульгарно-материалистического понимания так называемой основы основ исторического материализма, Каливода пишет: "Духовная деятельность

1) Ibid., s. 801.

2) Kalivoda R. Moderní duchovní skutečnost a marxismus. — "Českosl. spis.", Pr., 1968, s. 62.

человека как продукт предсуществования и сублимации первичной потребности в материальном наслаждении проявляется в действительности как первая форма существования материальных сил человека, ибо из этих первичных материальных источников она (духовная деятельность) черпает свою либидозность, без которой она утратила бы свой человеческий смысл. В этом — ядро материалистического монизма данного понимания целостности"¹⁾.

Авторы подчеркивают, что, сводя таким образом марксистское понятие материи к энергии инстинктивного стремления к наслаждению, Каливода полностью отрекается от диалектико-материалистического монизма в пользу антропологизма. Так "якобинское" — а в действительности фрейдистское — толкование развития общества и человека привело Каливоду к субъективизму и волонтаризму, к отрицанию объективной диалектики общественного процесса.

Те же черты характерны и для идейной эволюции Косика. Хотя его работа "Чешская радикальная демократия", по мнению авторов, в целом может считаться серьезным историко-философским исследованием, написанным с марксистских позиций, в ней все же проскальзывают элементы индивидуалистического и радикалистского мышления, вызревшие впоследствии в субъективизм и идеализм, которыми отмечена серия статей Косика "Наш нынешний кризис" (1968).

В книге "Чешская радикальная демократия" Косик рассматривает "религиозность" Палацкого как "либерально-просветительский и буржуазно-либеральный идеал свободного гражданства, буржуазных гражданских добродетелей"²⁾, а программу Гавличка — как выражение устремле-

1) Ibid., с. 69.

2) Kosík K. Česká radikální demokracie. Pr., 1958, с. 121.

ний нарождавшейся в то время энергичной чешской либеральной буржуазии. Забвение классового подхода привело, однако, к тому, что уже в 1968 г. Косик те же самые проблемы оценивает совершенно иначе.

В "Нашем нынешнем кризисе" он пишет: "Религиозность" Палацкого, "честность" Гавличка, "гуманность" Масарика - все это конкретные исторические ответы на вопрос о смысле человеческого существования, на основе которого исследуется положение чешского народа и формируется его политика как исторического субъекта в Центральной Европе, между Востоком и Западом, между католицизмом, протестантизмом и православием, между Римом и Византией, между Ренессансом и Реформацией, между индивидуализмом и коллективизмом и т.д. Уже из этого понимания "чешского вопроса" следует, что он должен быть всемирным вопросом или не стоять как вопрос вообще. Иными словами, окажется ли народ способным выдержать это напряжение и столкновение многих возможностей и нескольких основных течений европейской жизни, не стать разделенным и раздробленным, осуществить своеобразный и жизнеспособный синтез различных направлений, или же он станет игрушкой влияний и жертвой давления, которые превратят его в простой объект истории?"¹⁾.

Поиск смысла чешской истории привел Косика к априорным, антинаучным, субъективистским концепциям. Радикальная демократия, пишет он, должна поддерживать в народе благотворную неудовлетворенность, без которой все отношения сделались бы безнравственными. Кто же выступает хранителем этой неудовлетворенности? Дети света, узкая прослойка интеллигенции, группа просветителей, ре-

¹⁾ Kosík K. Naše nynější krise.-"Literární listy", Pr., 1968, R.1, с.10, с.3.

волюционеров. Если же, считает Косик, массы не хотят прислушиваться к критически настроенным интеллектуалам, то остается одно — моральный протест. "Крик одиночки, который погаснет в равнодушии современной эпохи, но который, быть может, поймут потомки"¹⁾.

Косик, отмечают авторы, не только разделяет иллюзии радикальных демократов. Он пытается в скрытой форме (под видом исторического исследования) критиковать современную ему действительность.

При всем различии взглядов, высказанных в "Чешской радикальной демократии" и "Нашем нынешнем кризисе", эти работы объединяет превознесение роли критически мыслящих личностей в общественном процессе. В отличие от некоторых других "теоретиков" Косик в 1968—1969 гг. не выступал против единства философии и политики; однако он высказывался за "мудрую", "интеллигентную" политику, за то, чтобы во главе общества были поставлены "радикальные" интеллигенты.

И Косик, и Каливода, считают авторы статьи, стремятся не столько к тому, чтобы дать в своих историко-философских работах марксистско-ленинскую оценку определенным идейным течениям чешской мысли, сколько к тому, чтобы путем "внеисторической актуализации этих идейных течений обосновать радикалистские взгляды" (с.448). Косик и Каливода противопоставляют некоторые бесспорные ценности из истории чешской прогрессивной мысли современному марксистскому учению, сделав таким образом шаг к национализму. А в смысле метода, заключают авторы, по выражению самого же Косика, относящемуся к 1958 г., это был шаг назад от логического метода Гегеля к "морализму и сентиментальной филантропии".

¹⁾ Kosiík K. Česká radikální demokracie. Pr., 1958, s. 270.

Следующая часть статьи посвящена анализу работы К.Косика "Диалектика конкретного"¹⁾.

Эссеистский стиль Косика, отмечают авторы, отдельные интересные мысли, а также использование им модных категорий (например, категории "беспокойства") приглушили неверную интерпретацию в его работе марксистско-ленинской философии. "Диалектика конкретного" многими была принята как последнее слово в "творческом развитии" учения Маркса. В этой работе К.Косик борется против тенденции "дополнить" марксистскую философию антропологией. Об этом он заявляет и в ходе проходившей в Чехословакии дискуссии о мирном сосуществовании и борьбе идей (1964): "В последние годы появляется много работ, посвященных проблеме человека, которые претендуют на заполнение пробела, возникшего якобы в результате того, что человека-то забыли... В попытках создать "философию человека" как дополнение к философии "не человека" сквозит, на мой взгляд, удивительная философская беспечность, переходящая в конечном счете в эклектизм. К не критически понятой действительности без человека прикладывается в виде дополнения человек в форме нравственности, личной ответственности, внутреннего переживания. В результате как выражение философской беспомощности и философского эклектизма возникает симбиоз сциентизма и морализма"²⁾.

Однако выступление против антропологизма понимается Косиком не как борьба против его эклектического присоединения к марксистской философии, а как борьба за ее преобразование.

1) Kosík K. Dialektika konkrétního. Pr., 1963.

2) Sartre J.P. Ernst Fischer a ti druzí, Mirová koexistence a boj idejí.- "Plamen", Pr., 1964, c.1, s.6.

По мнению Грзала и Нетопилика, в этом свете можно понять всю "Диалектику конкретного". Хотя Косик и отвергает формулу "марксизм-ленинизм плюс философия человека", он выдвигает так называемую новую концепцию философии, в которой основное место занимает активный, критически мыслящий и критически действующий субъект. Некоторые философы приветствовали эту концепцию как преодоление спекулятивного и догматического подхода к марксистской философии.

В этой работе больше всего, по мнению авторов, поражает ее абстрактность. Такую оценку книги разделяет, в частности, известный марксолог и советолог А.Кюнцли: "Я сосредоточенно взялся за "Диалектику конкретного" К.Косика, ведь название книги обещало исследование проблем, связанных с общественной практикой. Однако этот философский труд очень удивил меня: книге недостает как раз того, на что она претендует, — конкретности. Косик, который находится еще, видимо, в плену гегелевской метафизики, использует понятие "практика" в мистическом смысле, а по поводу основных практических проблем марксизма в нашу эпоху ему нечего сказать — по крайней мере в данной книге"¹⁾.

Как уже указывалось в чехословацкой литературе, Косик игнорирует: 1) роль революционной партии как исторического субъекта современности, роль организаций и институциональных систем, служащих революционным переменам и подлинному освобождению человека; 2) развитие частных наук и действительность научно-технической революции, требующей пересмотра инструментария мышления.

¹⁾ Künzli A. Über Marx hinaus. Beiträge zur Ideologiekritik. Freiburg, 1969, S.45.

Возможно, полагают авторы, Косик не желал выступать апологетом определенного политического курса (имеется в виду курс до 1968 г. - Реф.) и его целью было создание некоторой критической дистанции между философией и политикой. Однако его стремление исключить из области философской теории апологетику обернулось радикальной, разрушительной критикой социалистического общества, отвергнутого как "мир псевдоконкретности".

"Опыт нас учит, - писали Рихта и Зелены, - что если в условиях социализма "радикальные критики" направляют острие своих писаний против "институтов вообще", то это согласуется - независимо от субъективных замыслов авторов - с общей контрреволюционной стратегией. Речь идет не о том, что последователи так называемой критической теории слишком критичны и революционны для нас, а, наоборот, о том, что в действительности они недостаточно критичны и недостаточно революционны. Из критического богатства ленинской диалектики они утратили критическое отношение к себе, к своим собственным возможностям, а потому теряют представление о конкретных объективных задачах, имеющих подлинно революционное значение"¹⁾.

В "Диалектике конкретного", как и в работе "Чешская радикальная демократия", Косик в качестве основного вопроса философии рассматривает вопрос о том, что есть действительность и как она может быть познана. Отодвигая на задний план вопрос о соотношении материи и сознания, он тем самым открывает дорогу философскому идеализму. Такая позиция обуславливает и существующую у Косика неопределенность трактовки проблемы научного познания действительности: стремясь подчеркнуть актив-

¹⁾ Richta R., Zeleny J. Leninovo pojetí dialektiky a současnost. - "Nova mysl", Pr., 1970, R. 24, č. 1, s. 60.

ную сторону процесса познания, Косик недооценил значе-
ние объективных закономерностей бытия.

Процесс познания, духовного освоения действитель-
ности Косик изображает как конструирование различных
миров, в которых человек живет. Таким образом, у него
утрачивается предмет познания. "Правда, - отмечают
Грзал и Нетопилик, - одностороннему освоению мира, фи-
зикализму и биологизму Косик противопоставляет катего-
рию конкретной тотальности, выдвигая ее как ответ на
вопрос, что есть действительность, но все дело в том,
как эта категория понимается - материалистически или
идеалистически. Косик тяготеет к идеалистическому по-
ниманию" (с.628).

К.Косик неверно трактует в своей работе как связь
философии с отдельными науками, так и их роль. Высту-
пая против так называемого мира псевдоконкретности, он
считает, что этот мир создается не только политикой,
но и науками. А следовательно, освоение всех наук в
их совокупности не дает целостного постижения действи-
тельности и становится лишь инструментом идеологичес-
кой мистификации. В эпоху научно-технической революции
считают авторы, такая позиция означает игнорирование
прогрессивных элементов общественной реальности.

Его концепция науки после 1968 г. приобрела опре-
деленность: "Общей базой современности науки и техники
является распределение действительности, в результате
которого мир теоретически и практически превращается
в объект. Эта распределенная действительность может
стать предметом точного исследования. Наука и техника
означают такой подход к действительности, при котором
субъект говорит о себе, что данная действительность
является контролируемой и принципиально находящейся в
его распоряжении. Основа современной науки и техники -
технический разум, преобразующий действительность в

надежный, подлежащий инспектированию и манипуляции объект"¹⁾. Тут же Косик говорит о том, что сам термин "научно-техническая революция" - мистификация, заслоняющая реальные проблемы современной науки, техники и современной (социалистической) революции.

Вполне в духе хайдеггеровского экзистенциализма Косик видит в развитии современной науки и техники скорее угрозу человечеству, чем орудие его освобождения. Он полагает, что ничего нового не дает и соединение научно-технической революции с социалистическим строем, ибо современная марксистско-ленинская философия проникнута духом того же "распределения действительности". Поэтому первой предпосылкой отращения угрозы "технического разума" является выдвижение философией, понимаемой как мудрость, тех фундаментальных вопросов, "которых мы еще не касались и без которых социализм как революционная альтернатива людей в XX столетии немислим"²⁾.

Пафос критики Косика, подчеркивают авторы, как и других правых ревизионистов, направлен против соединения социалистической и научно-технической революции, против практики социалистических стран. В этом правые ревизионисты сближаются с "левыми", ибо и те и другие с позиций мелкобуржуазной революционности и экстремизма провозглашают конкретный социализм и его практику изменой "подлинному" Марксу.

Исходным моментом философских воззрений К.Косика является разрыв категорий явления и сущности, мира впечатлений и мира реальности, повседневной утилитарной практики людей и революционной практики челове-

¹⁾ Kosík K. Naše nynější krise.-"Literární listy", Pr., 1968, R.1, c.12, s.3.

²⁾ Ibid., s.3.

чества. Такой разрыв создает угрозу, что любая конкретно-историческая практика, включая практику социалистического движения, может расцениваться как утилитарная, псевдоконкретная, над которой возвышается абстрактная "революционная практика человечества".

"Практика как созидание человеческой действительности, — пишет Косик, — есть процесс, в котором весь мир открывается в своем бытии. Практика не есть узкая привязанность человека к идолу социальности и социальной субъективности, практика — это открытость человека по отношению к действительности и бытию"¹). Предпринимаемая атака на "социологизм", Косик пытается "прикрыть" ссылкой на Маркса: "Практика, которая в философии Маркса сделала возможным объективизацию познания и открытость человека в отношении бытия, превращается в социальную субъективность и закрытость: человек становится узником социальности"²). И далее: "Для материалистической философии, которая выдвинула революционную проблему: как создается социальная действительность?, эта последняя существует не только в виде "объекта", обстоятельств, но прежде всего как предметная активность человека, который и творит отношения, эту опредмеченную часть общественной действительности... В центр ставится процесс, в ходе которого конкретный субъект производит и воспроизводит социальную действительность и одновременно в ее рамках сам исторически производится и воспроизводится"³). Повторение Косиком того, что остановка указанного процесса ведет к "фети-

¹) Kosík K. *Dialektika konkrétního*. Pr., 1963, s. 156-157.

²) *Ibid.*, s. 121.

³) *Ibid.*, s. 90-91, 84.

шизации" истории, является, по мнению Грзала и Нетоплика, полемикой с марксистско-ленинским пониманием практики.

Маркс действительно утверждал, что люди сами делают свою историю. Но он указывал также, что к человеку мы приходим через созданное им: человек — это мир человека, государство, общество.

В конечном счете Косик пришел к философской антропологии, против которой выступал. Его "новая" концепция строится на утверждении, согласно которому практические результаты человеческой деятельности являются отчужденными и враждебными человеку силами независимо от социальной системы. На этой основе как раз и возникает противопоставление "сциентистского" и "аутентично человеческого" в философии, тогда как Маркс, Энгельс и Ленин доказали невозможность достичь самосознания без понимания объективных отношений, в которых человек существует.

"Антропологическое изложение марксистской философии, — подчеркивают авторы, — привело Косика не только к внеисторическому, надклассовому пониманию действительности, но и к идеализму" (с.633). В одной из своих работ Косик утверждает, что и при капитализме, и при социализме определяющую роль играет ложное сознание и манипулирование человеком. "Мы приходим к выводу, что источником того и другого является скрытая и невыясненная, но тем не менее общепринятая "концепция" человека и действительности. Под словом "концепция" мы понимаем здесь не теоретическое сознание, а реальный, фактический разлад между человеком и бытием, зафиксированный во взглядах, межличностных отношениях, в отношении человека к природе, в способах обнаружения истины и в соотношении истины и лжи, — тот разлад, который воспроизводится в повседневной жизни миллионов

людей и на основе которого люди вырабатывают теперь представления о себе и о мире. Для системы всеобщего манипулирования характерно не только господство ложного сознания в представлениях людей о себе и о мире, но также - и прежде всего - деградирующая способность отличать правду от лжи, массовое безразличие или приглушенный интерес к проблеме распознавания истины и лжи, добра и зла"¹).

Косик отождествляет практику с любой человеческой деятельностью. Понятая таким образом практика может быть лишь абстрактной тотальностью, бедным по содержанию понятием. Теория и практика сливаются у Косика в неразличимое целое, практика утрачивает свою специфическую гносеологическую функцию.

Различение "утилитарной" и "революционной" практики выглядит у Косика метафизично. Он пишет: "Действительность революционно преобразуема только в том случае, когда мы сами создаем действительность и когда мы знаем, что эта действительность нами создаваема"²). Иными словами, Косик полагает, что практика может быть революционной только тогда, когда ее субъектом являются диалектически мыслящие, критические личности. Таким образом, широкие народные массы исключаются из революционной практической деятельности.

Авторы подчеркивают, что выступления Косика против "утилитарной" практики, создающей "мир псевдоконкретности", направлены не столько против буржуазного империалистического государства, сколько против руководящей строительством социализма коммунистической партии. "Оказывается, - писал Косик, - что практические задачи

¹) KosiK K. Krize moderního člověka a socialismus.- "Plamen", Pr., 1968, č. 6, s. 29.

²) KosiK K. Dialektika konkrétního. Pr., 1963, s. 16-17.

и трудности и даже простая приверженность к дефинициям и эмблемам убивают исторический смысл социализма так же, как практический и теоретический прагматизм и утилитаризм отодвинули в сторону освободительную миссию этого строя"¹⁾.

К.Коси́к, подобно другим мелкобуржуазным критикам, пытается в духе Фишера, Гароди, Маркузе выдать мероприятия социалистического государства по развитию научно-технической революции за модель бюрократического социализма, забывая при этом, что основным препятствием на пути всестороннего развития человека при социализме является недостаточная степень развития производительных сил, прежде всего современной техники.

Авторы указывают на неспособность мелкобуржуазной романтической критики рассмотреть классовые аспекты использования техники. Критики социализма, выдающие мероприятия коммунистических партий, направленные на развитие науки и техники, за "культ производственных показателей", исходят из того, что социализм и коммунизм возможны без высшей производительности труда. Они вдохновляются в основном современной буржуазной литературой и утверждают, что рост рациональности человеческого мышления и человеческой деятельности в связи с научно-технической революцией все больше ориентирует человека на утилитарные ценности и ведет к утрате традиционных гуманистических идеалов. Маркс же доказал, что строительство социализма и коммунизма носит, в сущности, экономический характер. Забвение этого принципа создает опасность того, что тезис эмансипации человека станет чисто этическим, а то и пропагандистским поступатом.

¹⁾ Kosík K. Krize moderního člověka a socialismus.- "Plamen", Pr., 1968, č. 6, s. 26.

В "Диалектике конкретного" К.Косик выступал против редуccionизма (он приводит типичный пример "редуccionистского" суждения: "Франц Кафка — мелкобуржуазный интеллеktуал" — и заявляет, что таким суждением никоим образом не объясняется то обстоятельство, что не всякий мелкобуржуазный интеллеktуал — Франц Кафка.— Реф.), но его попытка сузить философию до проблематики человека, оторванного от социалистической экономики, научно-технической революции, придать материалистической концепции истории антропологическую, морализаторскую окраску, является редуccionизмом. Марксизм-ленинизм, отмечают авторы, как научное мировоззрение рабочего класса является орудием овладения социальными и природными условиями общественного бытия. В процессе строительства социализма практика утрачивает утилитарную форму, становится творческой.

Авторы отмечают метафизичность противопоставления Косиком повседневности и истории. У Косика понятие повседневности включает несколько уровней: автоматические каждодневные действия, отчуждение человека и т.д. Вследствие широты этого понятия его познавательная функция теряет свою ценность. Критика Косиком повседневности — это не только критика капиталистического отчуждения и фетишизации общественных отношений, но и критика необходимого приспособления в широком смысле слова, включая приспособление к объективным законам природы.

Косик пытается доказать, что человек, попадая во власть результатов своей деятельности, подчиняется анонимности, банальности, обыденности; тем самым он провозглашает неизбежность отчуждения не только при капитализме, но и при социализме. Только "критические мыслители" способны, по его мнению, преодолеть засилье отчуждения.

Такая позиция присутствует и в рассуждениях Косика о соотношении истории и необходимости. Он подновляет индетерминистское понимание истории, сочетая требование освобождения от гнета повседневности, анонимности и т.д. с отсутствием указания реальных путей достижения человеческой свободы.

Марксистская же точка зрения, отмечают авторы, состоит в том, что человек посредством институтов достигает свободы, рационально используя силы природы и создавая предпосылки для подчинения себе общественных отношений.

Субъективистская трактовка категории "практики" характерна сегодня для так называемых неомарксистов и ревизионистов, в частности для представителей загребской философской школы в Югославии. Все они, как и Косик, рассматривают проблему практики в свете сартровского экзистенциализма, при этом утрачивает всякое значение действие объективных законов. В результате вся диалектика общественного развития сводится к диалектике субъекта и объекта, а диалектика природы игнорируется. Это открывает простор для ничем не ограниченного субъективизма.

Ревизия философских основ марксизма послужила основой для ревизии политической теории с позиций антропологического плюрализма.

Работа М.Нарты "Антропологический плюрализм в политической теории"¹⁾ посвящена критике одного из направлений правого оппортунизма, представителя которого в Чехословакии обосновывали теоретические положения и политическую программу с помощью выводов, заимствованных из так называемой философской, социальной или

¹⁾ Náрта M. Antropologický pluralismus v politické teorii. - "Sesity", Pr., 1971, N 9, s. 68.

интегральной антропологии. Недостатки существовавшей в Чехословакии организации общества создали условия, при которых правый оппортунизм и ревизионизм превратились в относительно законченную систему взглядов, соответствующих интересам мелкой буржуазии.

В рамках этого сравнительно единого направления автор выделяет следующие: 1) нормативно-правовое; 2) эмпирически-социологическое; 3) социологически-философское и 4) течение с преобладанием чисто политической проблематики. Оппортунистические концепции политики в Чехословакии выглядели как уступка буржуазной антимарксистской политологии, историографии, буржуазной теории организации и т.д.

Наибольшее влияние на чехословацких правых оказали либерализм и неолиберализм, для которых характерно рассмотрение социально-экономических отношений капитализма как единственно возможных и отвечающих "естественной сущности человека".

Автор подчеркивает внутреннюю противоречивость и непоследовательность либерализма и неолиберализма, признающих существование при капитализме значительной дифференциации в обладании общественной и политической властью, но вместе с тем полагающих, что эта дифференциация является функциональной и неизбежной. Указывая на необходимость социальных реформ, они в то же время считают, что эти реформы не должны преступать границ существующего капиталистического строя.

Политическая теория либералов базируется на доктрине плюралистической политической системы, согласно которой возможностью участия в политической власти в капиталистических странах в равной мере обладают все классы. "Плюралистическое общество, — пишут Джон и Мэвис Безенс, — это многогрупповое общество, которое одинаково ценит как различия, так и единство... Его

идеология базируется на том предположении, что функции правительства должны быть ограничены и что социальную деятельность необходимо распределить между как можно большим числом органов власти, что дает возможность сохранить ценности свободы, различий, спонтанности и автономии. Посредством свободных и периодических выборов обеспечивается также ответственность управляющих перед управляемыми" ¹⁾).

Автор подчеркивает, что, вырабатывая представления о "социалистическом плюрализме", ревизионисты пользовались именно этими положениями об "ограничении правительства", автономии спонтанности, защите прав меньшинства и т.д. Однако для них уже речь шла об ограничении правительства и власти рабочего класса.

Он полагает, что "непреодоленные пережитки мелкобуржуазной и буржуазной идеологии, завышенные существующего уровня общественного развития, неоправданный оптимизм некоторых деятелей коммунистической партии, экономические трудности 60-х годов, нерешенные проблемы 50-х годов, непоследовательность и нерешительность новотновского партийно-государственного руководства и его низкий теоретико-идеологический уровень - все это облегчало формирование и пропаганду правооппортунистических и ревизионистских теорий" (с.8).

В 60-е годы ревизионисты выступили с тезисом, согласно которому чехословацкая компартия и международное коммунистическое движение не сумеют избавиться от последствий культа личности Сталина до тех пор, пока не осуществят решительных преобразований всей политической системы социализма в духе ее плюрализации. При этом они исходили из понимания политики как сферы деятельности

¹⁾ Biesanz J., Biesanz M. Introduction to sociology. Englewood Cliffs. 1969, p.597.

многих групп и доказывали, что в чехословацком обществе должны быть созданы условия, обеспечивающие возникновение различных политических организаций и институтов. Они подчеркивали, что в политической системе социализма должна существовать "естественная оппозиция", своей деятельностью уравновешивающая одностороннюю политику коммунистической партии и социалистического государства; что деятельность нескольких десятков организаций, пропагандирующих иную модель социализма и иные способы его построения не повредит социализму, напротив, обеспечит возможность выбора. Согласно этой концепции, политическая конкуренция является средством улучшения работы политических организаций любой ориентации.

Плюралистическая теория политической системы, пишет Нарта, основана на иллюзиях рационалистически-просветительского толка. Согласно плюрализму, принятие решений в политической системе осуществляется на основе обсуждения различных предложений, до тех пор пока не удастся прийти к относительно единой точке зрения. В действительности же этот процесс предполагает принуждение и различные санкции, причем некоторые вопросы не являются предметом политической дискуссии.

Другой неверной посылкой плюралистов является их допущение абсолютной рациональности организаций и институтов. На Западе плюралистическая теория возникла в эпоху, когда рационалистическая модель индивидуального поведения считалась общепризнанной. Согласно этой модели, каждый "гражданин" рациональным образом участвует в решении любого политического вопроса, выбирает между политическими организациями, интересуется политическими проблемами и судит о них не на основе поверхностной информации, эмоций и т.д., а под строгим контролем различных формальных и неформальных организаций.

Иными словами, гражданин, по мнению плюралистов, имеет возможность конкурировать с современными средствами массовой информации и разоблачать любую попытку искаженного изложения или неправильной оценки событий.

Плюралистическая теория отвергает, что в основе деятельности политических групп и организаций лежат интересы классов. Согласно ей политическая организация выражает исключительно интересы ее членов. Всякая попытка оценить деятельность той или иной организации с точки зрения интересов рабочего класса и исходя из его научной теории выступает для плюралистов как посягательство на "необходимую автономию" организации.

В Чехословакии возникло несколько школ, пытавшихся применить плюралистические нормы к общественной жизни страны. Одна из этих школ — плюралистическо-политическая. Ее представлял Э.Млынарж, которого автор статьи характеризует как одного из главных проповедников идей плюрализации чехословацкого общества. В книге "Государство и человек" (1964) он сформулировал основные идеи плюрализации чехословацкой политической системы: "Существующее разделение труда, социальное неравенство в уровне вознаграждения за труд, различия между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, товарный характер социалистического производства и некоторые другие факторы способствуют тому, что деятельность человека — индивида или официального представителя целого (государства) — не имеет непосредственно общественного характера. Общественный характер своей деятельности люди сознают в конфликтах их частной деятельности, и всеобщий интерес общества формулируется как раз в столкновении различных интересов¹⁾". Критикуя эти взгляды, Нарта отмечает, что

¹⁾ Mlynar Z. Stát a člověk. Pr., 1964, s. 36.

в социалистическом обществе существует различие между индивидуальной и общественной деятельностью и далеко не всякая индивидуальная деятельность имеет достаточное общественное значение. Однако судить о содержании всеобщего общественного интереса можно лишь на основе знания закономерностей развития социалистического общества, его потребностей. Процесс познания этих закономерностей связан в первую очередь с деятельностью коммунистических и рабочих партий, которые на основе комплексного научного анализа формулируют социальные потребности данного общества и его передового отряда — рабочего класса.

Млынарж, отмечает автор, стремится доказать, что наилучшим путем познания общественного интереса является конфронтация различных "частных" групповых интересов. Более того, он приписывает Марксу и Ленину свое понимание данного вопроса, согласно которому социалистическая политическая система должна обеспечить проявление и реализацию — в рамках "свободного" состязания — требований различных групп. Млынарж пишет: "Маркс (особенно в "Гражданской войне во Франции", где анализируется опыт Парижской коммуны 1871 года) и Ленин (особенно в "Государстве и революции") совершенно однозначно исходили из того, что пролетарская революция и победа пролетариата как господство большинства вполне позволяют то, чего не могло себе позволить буржуазное классовое государство как диктатура меньшинства эксплуататоров: полностью открыть двери и впустить в сферу государства (и политической власти вообще) живого общественного человека со всеми его противоречиями и социально обусловленными интересами. И Маркс и Ленин исходили из того, что в эту сферу в качестве носителей определенного социального интереса не будут допущены

только свергнутые эксплуататоры"¹⁾). Развивая свою мысль, он пишет, что "открытое", демократическое и опирающееся на дискуссию разрешение противоречий между пролетариатом и мелкими частными производителями, между различными группами и слоями трудящихся лежит в основе марксистско-ленинского понимания политической системы. Млынарж, пишет автор, искажает понимание Марксом и Лениным диктатуры пролетариата, ее основной принцип — связь рабочего класса с широкими массами трудящихся. Эти идеи были доведены до логического завершения крайне плюралистическим направлением, представленным В.Клокочкой. В книге "Выборы в плюралистических демократиях" (1968) он формально выступает против "сталинского догматизма" с его "монолитной" политической системой, в действительности же, исходя из мелкобуржуазных представлений о "чистой демократии", критикует основные принципы политической теории социалистического общества. Он оспаривает важнейшие положения К.Маркса и В.И.Ленина, заявляя, что: "в области политической формы всеобщим становится сталинское понимание русского опыта, связанное с необходимостью разрушения старого государства как предпосылки социалистического развития общества. Классовый конфликт ставит острые проблемы. Государство как власть буржуазии должно быть заменено государством как инструментом пролетарской власти. Однако сталинская интерпретация марксистского учения об исторической роли пролетариата не принимает во внимание научно-техническую революцию и ее воздействие на социальное расслоение общества, а также внутреннюю структуру рабочего класса; в сталинской трактовке игнорировалось и то обстоятельство, что в России рабочие составляли незначительное меньшинство насе-

¹⁾ Mlynar Z. Stát a člověk. Pr., 1964, s. 43.

ния"¹⁾). Вопреки К.Марксу и Ф.Энгельсу он заявляет, что в государствах с развитым рабочим классом можно избежать разрушения буржуазной государственной машины.

М.Нарта задается вопросом, кому может быть выгодна ситуация политического "равновесия", когда различные политические силы непрерывно борются между собой? Кто может стремиться занять место "третьейского судьи" в подобных спорах? Несомненно, отвечает он, иллюзия о "чистой демократии", о демократии вне классового содержания выражает идеологию мелкой буржуазии, которая тешит себя мыслью о том, что она может извлечь пользу из классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Каким образом мелкая буржуазия управляет и куда господство мелкобуржуазных слоев ведет, показали события в Чехословакии в 1968 г.

Вслед за Млынаржем Клокочка противопоставляет руководящей роли коммунистической партии "свободную игру политических сил". Он пишет: "Выражением деформации системы социалистической демократии является уставное закрепление ведущей роли коммунистической партии, которое становится правовым подтверждением монополизации политической власти, раз и навсегда ставящей себя над обществом. Эта уставная прокламация предопределяет результаты всех будущих выборов... Выборы являются выборами только до тех пор, пока они - выборы. Декларирование ведущей роли какой бы то ни было политической партии не соответствует характеру выборов и несовместимо с ними"²⁾.

¹⁾ Клокочка V. Volby v pluralitních demokraciích. Pr., 1968, s. 245.

²⁾ Клокочка V. Volby v pluralitních demokraciích. Pr., 1968, s. 261.

Автор указывает на открытое неприятие оппортунистами марксистско-ленинского учения о гегемонии рабочего класса и его партии, по своему объективному положению играющих руководящую роль в строительстве социализма и коммунизма. Оппортунисты, отмечает он, стремятся доказать, что коммунистическая партия должна отказаться от научной оценки степени сознательности различных общественных сил, и определяют такую оценку как проявление "сталинизма", "тоталитаризма" и "монополизации власти".

По мнению Клокочки, в социалистической системе должно существовать множество партий, борющихся между собой или вступающих в коалиции. Некоторые из них должны быть в определенной степени оппозиционны по отношению к отдельным аспектам коммунистического строительства. Клокочка считает, что "терпимость к оппозиции исходит из признания того факта, что приспособление общества к директивам и исключение оппозиции ведут к мнимому единству"¹⁾, что оппозиция выступает как "часть естественного процесса общественной интеграции и одновременно как средство контроля над правящим политическим большинством и тем самым над политической властью"²⁾.

Катализатором "улучшения" деятельности социалистического государства должно было стать, по мнению плюралистов, не растущее участие широких народных масс в политическом управлении, а мелкобуржуазная и буржуазная оппозиция.

М.Нарта приводит еще одно высказывание В.Клокочки, характеризующее его типично мелкобуржуазное представление о политике: "В каждом современном сложном обществе

1) Ibid., с.285.

2) Ibid., с.285.

необходимо считаться с тем, что нельзя привести все интересы к единому, общему политическому интересу. И если невозможно носителей различных политических интересов убедить, необходимо решить проблему конфронтации интересов другим общепринятым способом — с помощью политических выборов"¹⁾).

Подводя итог общему анализу плюралистической политической теории, автор статьи отмечает, что эта теория, нацеленная на ликвидацию руководящей роли коммунистической партии под предлогом преодоления "монополизации власти", означала бы в случае ее реализации распад политической системы социализма.

Плюралистическая политическая теория проповедовалась в Чехословакии не только "институционалистами", но и представителями так называемой антропологической линии в философии. Последние, оперируя аргументами о "сущности человека", о возможностях его самореализации, о преодолении отчуждения, пытались доказать, что "человеческий или этический социализм" может быть только "плюралистическим социализмом".

Каждое философское и общесоциологическое направление, отмечает автор статьи, стремится ответить на вопрос о сущности человека. Марксизм при этом исходит из того, что человек — конкретно-историческое и общественно обусловленное существо. В отличие от буржуазной антропологии, которая имеет дело с абстрактным "человеком вообще", марксистская философия рассматривает человека как совокупность всех общественных отношений и усматривает главный источник развития сил человека в совершенствовании производительных сил и преобразо-

¹⁾ Klokočka V. Volby v pluralitních demokraciích. Pr., 1968, s. 277.

вании производственных отношений. Фромм, Арон, Гэл-брейт, Росток, Шумпетер и другие, исследуя положение человека в "индустриальном" обществе, недооценивают влияние экономических и политических характеристик того или иного общественного строя на формирование конкретного типа человека, приписывают социализму "дегуманизирующие" черты, свойственные только капиталистическому обществу.

Типичным примером этого является творчество Эриха Фромма. В своей книге "Здоровое общество"¹⁾ он заявляет, что в грядущие 50-100 лет процесс автоматизации и отчуждения как в условиях капитализма, так и социализма будет продолжаться. Обе системы развиваются в общество менеджеров, члены которого будут досыта есть, хорошо одеваться, удовлетворять все свои желания; это будут автоматы, которые слушаются без принуждения, управляют без вождей, производят машины и говорят, как люди, и в то же время производят людей, которые говорят уже, как машины; разум членов этого будущего общества станет уменьшаться, что создаст небезопасную ситуацию, когда люди будут вооружены огромной материальной мощью и не будут знать, как ее использовать.

Антикоммунистически и антисоветски настроенные идеологи утверждают, что социализм и коммунизм "бесчеловечны" в силу тех средств, которые применяются для их построения, что человек в социалистическом обществе "отдан в жертву интересам революции" и "мирового коммунистического господства" и как индивид не имеет никакой власти над теми, кто вершит его судьбу. В социалистических странах, по их мнению, человеком управляет бюрократия, отчужденная партия, отчужденное государство и т.д.

¹⁾ Fromm E. The sane society. N.Y., 1962.

В январе 1968 г. подобные аргументы использовались для нападок на Коммунистическую партию Чехословакии. Типичным в этом отношении является выступление доктора Томеша, который, охарактеризовав "неплюралистический социализм" как догматический, писал: "Из числа целей догматически и централистски понимаемого социализма исчез человек"¹⁾.

Все эти аргументы были использованы сторонниками плюралистической теории для доказательства, что лишь "плюралистический демократический социализм" способен реализовать неосуществленные до сих пор надежды и чаяния.

Автор статьи показывает зависимость представителей этой школы, с одной стороны, от Э.Фромма, с другой — от Э.Бжезинского. Их взгляды он рассматривает на примере работы Й.Гермаха "Реализация современного человека" (1969)²⁾. Называя себя философом-марксистом, Гермах утверждает, что социально-психологические черты людей, занятых в промышленности, служат главным препятствием на пути "самореализации человека". Он игнорирует тот факт, что промышленность создает материальные условия для удовлетворения потребностей людей, а повторяет лишь, что ее продуктом являются "частичные" индивиды.

Й.Гермах пишет: "Живой, постоянно требующий обновления бытия человек в процессе своей производственной деятельности распадается. Как отделенные друг от друга части, не знающие одна другой, блуждает человек по тропкам механически ритмизованного, нарушающего цельность производства, и между двумя его жизненными

¹⁾ Tomeš I. Zamyšlení nad jednou oslavou. Socialistická zákonnost. Pr., 1968, с.12, с.711.

²⁾ Hermach J. Uskutečnění současného člověka. Pr., 1969.

сферами — сферой труда и сферой интимности, между общественным и личным — зияет пропасть несовместимости. И человек сам ничего не знает. Он не знает даже, действительно ли ему хочется спать, любить, дышать, жить"¹⁾. Вульгаризируя Фромма и Маркузе, Гермах утверждает, что путь к превращению человека в "богато развитую индивидуальность" лежит через преодоление "производственной организованности людей".

Вполне в идеалистическом духе Гермах поучает: сделайте человека "полной", всесторонне развитой личностью, и условия его труда изменятся, современной же промышленности с ее организацией всесторонне развитые личности не нужны — ей более подходит "частичный" индивид.

Автор подчеркивает внеисторичность взглядов Гермаха, полагающего, что в современном социалистическом обществе можно упразднить разделение труда и вытекающие из него ограничения.

В современном социалистическом обществе созданы социальные структуры, регулирующие общественную мобильность людей, ориентирующие их на выполнение социальных ролей, без которых невозможно существование общества. Гермах же стремится анархистски разрушить эти структуры, называет всю политическую систему социализма "демократией частей машины". И Гермах, указывает автор статьи, утверждает то же самое, что и антикоммунисты, и отличается от них только тем, что не защищает, как они, капитализм, а выступает с позиций романтических представлений о коммунизме. И Гермах — выразитель настроений и тенденций чешского мещанства, сделавшего ставку на перестройку социалистической общественной системы в соответствии со своей идеологией.

¹⁾ Ibid., с. 56.

Наиболее типичным для представителей антропологического направления, резюмирует автор, является антиинституционализм — идеологическая трактовка человека, анархистское отрицание организованности, разделения труда, руководящей роли рабочего класса и его партии.

Значительное внимание автор уделяет взглядам Ф.Шамалика. Его книга "Человек и институты"¹⁾ является попыткой применить плюралистическую теорию к средней ступени политического управления (на уровне отдельных организаций и институтов).

Шамалик предлагает организовать массовое антиинституциональное движение как в странах капитализма, так и в странах социализма. Он подчеркивает, что современное общество как таковое "институционализируется", различные организации и институты во все большей степени манипулируют поведением людей. Он стремится дать антропологически-гуманистическую критику "институционализирующегося мира" и выяснить условия подчинения институтов интересам человека.

Основной тезис Шамалика состоит в том, что организации и институты социалистического общества "редуцируют" человека до уровня "вычисленной детали", угнетают его и непосредственно манипулируют, причем "простой человек", по его мнению, не знает, кто им манипулирует и с какой целью.

Институты социалистического общества рассматриваются им как некая демоническая сила, по своему образу и подобию творящая утративших всякую индивидуальность индивидов.

Внутреннему "демонизму" институтов и "институциональному отчуждению человека" Ф.Шамалик противопостав-

¹⁾ Šamalík F. Člověk v institucích. Pr., 1967

ляет расширение демократизма всех организаций. Сама по себе такая постановка вопроса, отмечает автор, справедлива, однако у Ф.Шамалика это превращается в воспевание мелкобуржуазной и анархистской стихийности, неорганизованности и "чистой демократии".

Излагая свое понимание сущности демократии, Ф.Шамалик пишет: "Демократия предполагает, что: 1) руководство организаций периодически формируется членами организаций на основе прямых или косвенных, тайных или открытых, всеобщих или частичных выборов; 2) в определенном объеме эти органы ответственны перед теми, кто их избрал; 3) те правящие, исполнительные или административные учреждения, которые образованы недемократическим способом, работают под руководством выборных органов, причем последние определяют широту полномочий и ответственности, а также контролируют деятельность первых; 4) объем полномочий и ответственности определяется в имеющих обязательную силу предписаниях, которые одобряются всеми членами организации или принимаются их представителями; 5) особые точки зрения, специфические интересы членов организации могут в известных границах свободно выражаться и сталкиваться друг с другом; 6) принятым считается то решение, за которое высказалось большинство (состава руководящих органов или членов организации), и это решение для меньшинства обязательно; поскольку взгляды меньшинства могут стать в будущем взглядами большинства, демократическая организация предоставляет в некоторых случаях меньшинству возможность превратиться в большинство; 7) решения вышестоящих органов обязательны для нижестоящих органов и членов организации"¹⁾.

¹⁾ Ibid...s.156.

Автор реферируемой статьи подчеркивает, что Шамалик оценивает демократичность организаций и институтов с неклассовых позиций, исходя из формального соотношения между большинством и меньшинством, отрицает классовый характер организаций и институтов в современном мире, рассуждает о "свободном" столкновении точек зрения, о возможности превращения меньшинства в большинство; тем самым он смыкается с буржуазными концепциями демократии. Под "демократической активностью" индивида Ф.Шамалик подразумевает деятельность, направленную не только на плюрализацию политической системы социализма, но и на плюралистическую дезинтеграцию всех организаций и институтов социалистического общества. Усилия по демократизации, по мнению Шамалика, могут натолкнуться на сопротивление в таких областях, как материальное производство, транспортная система, армия и т.д. Обозначая некоторые институты как маловосприимчивые к демократии в силу их жизненного и профессионального опыта, Шамалик стремится этим объяснить "слабость" распространения своей концепции демократии.

Автор отмечает, что абстрактный внеисторический анализ отношений институтов и личности привел Шамалика к забвению интересов рабочего класса, к утверждению "чистой демократии". Распространение подобных взглядов стало возможным, по мнению Нарты, в силу "глубокого кризиса общественных наук" в Чехословакии в тот период теоретической неподготовленности тогдашнего партийного и государственного руководства.

Ф.Шамалик считает свое понимание проблемы самоуправления развитием идей Маркса, но при этом, во-первых, переоценивает возможности самоуправления, а во-вторых, утверждает, что после 1948 г. в Чехословакии оно полностью отсутствовало. Шамалик, преисполненный

антиинституционалистского запала, отказывается видеть осуществление идей самоуправления в политической системе, состоящей из коммунистической партии, социалистического государства, различных массовых организаций, и ограничивает его рамки лишь рабочими советами. Он называет "самоуправляющимися" такие организации, которые полностью "автономны" и по отношению к которым можно применять метод консультаций и договоренности". Абстрактно понятое им самоуправление — это фактически буржуазный парламентаризм на уровне предприятий. Шамалик искажает Маркса, так как у того речь идет о самоуправлении рабочего класса, а у Шамалика — о самоуправлении всех.

В 1968 г. Шамалик агитировал за новую, "антибюрократическую", или "антиэтатистскую", модель социализма. В книге "Движение между двумя принципами" он писал: "Доинварская политическая система у нас характеризовалась следующим: а) представительные органы были лишь формально — и никогда фактически — ведущими органами государственной власти. Причем граждане имели минимальное влияние на состав и деятельность политического представительства; б) исполнительный, бюрократический и карательный аппараты были по своему реальному значению поставлены над правительственными органами; в) правосудие было зависимым, ставило на первый план интересы государства и государственного управления и не находилось под действенным правовым контролем; г) общественные и иные организации были включены в единую иерархическую структуру таким образом, что потеряли автономию и превратились в простые рычаги и приводные ремни; д) общественное и производственное самоуправление не существовало; общественная жизнь была подчинена бюрократически-этатистскому механизму; е) незави-

симое общественное мнение существовало лишь анонимно; все средства массовой информации зависели от официальной политики и политиков, а глас последних был непосредственно гласом государства; ж) идеология имела инструментальный, апологетический и прагматический характер и в таком виде пронизывала все образование"¹⁾. В той же статье Шамалик утверждал, что главной функцией чехословацкого социалистического государства до января 1968 г. была полицейская функция. Недостатки политической системы в Чехословакии Шамалик и другие оппортунисты пытались исправить своеобразным образом: допустить к принятию политических решений представителей различных антисоциалистических сил.

Автор подчеркивает, что за демократическими лозунгами ревизионистов о плюрализации политической системы стояло стремление к элитарности, нежелание примириться с руководящей ролью рабочего класса и его политической партии, стремление создать "человеческий", плюралистический, "отвечающий народным традициям" социализм. Он отмечает, что утверждение, будто "все политические идеи, политические представления и более или менее разработанные политические программы, носителями которых выступают различные политические движения и политические группы в социалистическом обществе, однозначно ведут к укреплению и развитию социализма и созданию условий для постепенного перехода к коммунистическому обществу," в корне неверно: подобные взгляды могут привести только к отказу от реального и профессионального решения различных проблем социалистического общества и подмене их действительного решения политическим шарлатанством.

¹⁾ Šamalik F. Pohyb mezi dvěma principy. Pr., 1968, č. 31, s. 6.

На общие плюралистические концепции оказали влияние представители нормативистского направления, выступавшие с предложениями "упорядочения" государственного управления и законодательства.

Критический анализ приверженцев так называемого плюралистического нормативизма в Чехословакии осуществляется в другой работе М.Нарты¹⁾.

Мирослав Нарта определяет плюралистский нормативизм как "совокупность правых взглядов, идей и концепций в области государства и права", как "стремление допустить законность правых взглядов в государственном строительстве и в установлении основных правовых и политических норм" (с.23). Сторонники плюралистического нормативизма заявляли, что групповому плюрализму (а по сути дела, групповому эгоизму, замечает Нарта) необходимо создать нормативное (правовое) обеспечение в виде издания новых законов о политических организациях, о принципах объединения в политические ассоциации и т.п.

Плюралисты-нормативисты исходили в своих тезисах из философско-антропологической аргументации ("отчужденное бытие" человека в бюрократических системах современного "индустриального общества", необходимость достижения "аутентичной человеческой экзистенции" и т.п.). Воззрения философско-антропологической школы как бы достраивались нормативистами в области государства и права.

Нормативисты выступили в роли "защитников" гражданского общества, реальных политических прав и свобод трудящихся, однако место трудящихся в их рассуждениях занял абстрактно понимаемый человек. Их идеи открыва-

¹⁾ Narta M. Kritický rozbor pluralitního normativizmu v politické teorii. - "Sesity", Pr., 1971, N 1, s.17-56.

ли простор для действий антикоммунистических, националистических и контрреволюционных сил в Чехословакии.

Главным теоретиком плюралистского нормативизма в Чехословакии Нарта считает бывшего научного сотрудника Института государства и права Чехословацкой академии наук доктора Михала Лакатоша, впервые сформулировавшего основные концепции всего направления в работе "Гражданин, право и демократия"¹⁾. Впоследствии идеи Лакатоша переняли профессор Раттингер, доктор Клокочка, доктор Павличек. Дальнейший разбор теории плюралистского нормативизма Мирослав Нарта осуществляет, анализируя работы Лакатоша.

Автор напоминает, что в истории политико-правовых идей в Чехословакии большую роль играл так называемый "правовой нормативизм", разработавшийся в основном теоретиками-правовиками из Брно. Следуя принципам неопозитивизма, правовая школа Брно отстаивала взгляды, согласно которым правовые науки не должны заниматься никакими "метафизическими вопросами", что им следует ограничиться анализом эмпирически наблюдаемых и исследуемых норм и институтов.

Плюралистский нормативизм, возникший в Чехословакии в 60-х годах, имел некоторые новые черты по сравнению с традиционным. Прежде всего плюралисты-нормативисты, преодолев правовой нормативизм, обратились к политическому нормативизму, к так называемой институциональной политологии. В то же время они переоценивали возможности собственно правового регулирования и доказывали, что главным инструментом построения социалистического общества является не политика, а право.

Лакатош выдвинул в качестве аксиомы положение, что в социалистическом обществе существует глубокое проти-

¹⁾ Lakatoš M. Občan, právo a demokracie. Pr., 1966.

воречие между сформулированными в общем виде принципами права и социалистическими законами, с одной стороны, и социалистической действительностью — с другой. Он давал рекомендации совершенствования деятельности различных общественных организаций в Чехословакии, прежде всего деятельности правых организаций. В статьях 1968 г. Лакатош доказывал, что повышение роли общественных организаций в строительстве социализма станет возможным при условии изменения ныне существующих законов объединения людей. Лакатош писал: "Прежде всего необходимо сделать решительный шаг в направлении активизации естественно возникающих в гражданском обществе организаций, избавить их от всего, что урезывает их политическую активность. Это возможно лишь с принятием новых законов, которые позитивно или негативно очертят пространство, предназначенное для существования негосударственных общественных организаций, и определяют также правила игры в политической жизни"¹⁾.

В работе "Рассуждения о ценностях демократии" Лакатош пишет, что необходимо правовое обеспечение полной свободы возникновения любых организаций. Этим организациям должно быть позволено выступать с политическими программами любой ориентации, участвовать в "свободных" выборах.

Лакатош подчеркивал, что ни один политический орган не должен иметь права вмешиваться в дела свободно возникших организаций и "не дай бог, чтобы общество в целом, рабочий класс и его коммунистическая партия претендовали на то, чтобы оценивать, руководить и вести за собой менее значительные организации" (с.30).

Заслуживают внимания соображения Лакатоша о "правилах игры" в области политики. Известно, пишет Нарта,

¹⁾ Lakatoš M. Novelizovat volební zákony.—"Kulturní noviny", Pr., 1968, N 3, s.9.

что деятельность всех общественных организаций определяется прежде всего реально существующими общественными отношениями. Ограничителями деятельности в области политики служат не только правовые нормы, но и политическая культура в самом широком смысле слова. Лакатош, невзирая на эти общеизвестные факты, заявил о почти исключительной роли права в регулировании политической деятельности.

Ограниченность плюралистского подхода Лакатоша видна и из его рассуждений о средствах воздействия рабочего класса, трудящегося крестьянства, представителей интеллигенции на важные политические решения в социалистическом обществе. Нарта подчеркивает, что трудящиеся при социализме имеют много способов влиять на политику; они оценивают политические цели общества, участвуют в их осуществлении, выражают согласие или несогласие с различными требованиями социальных групп, оказывают поддержку принимаемым решениям или исправляют их и т.д. Эти средства воздействия трудящихся на политические решения Лакатош сводит к двум: влияние на процессы правового нормотворчества и выработка решений государственными органами. Так нормативист-плюралист становится на позиции примитивного редукционизма. По Лакатошу, не существует сложных сфер экономической, социальной, культурной, военной, международной, научной политики, а есть лишь законы (правовые нормы) и мероприятия, проводимые на основе этих законов (норм) государственными органами.

Представители плюралистского нормативизма, отмечает Нарта, не поняли взаимоотношений политики и права, государства и права; они постоянно ставят право над государством и политикой. Их попытка решить с помощью правового регулирования важнейшие проблемы общественно-политической жизни в Чехословакии в духе правых от-

крывала дорогу к легализации деятельности антисоциалистических сил.

Нарта останавливается еще на одном вопросе: понимание Лакатошем категории политической системы и оценка им недостатков доянварского (1968 г.) и послеянварского развития в Чехословакии. Лакатош писал: "В политическом управлении познание ценностей гражданского общества служит основой какого бы то ни было рассуждения об институциональных конструкциях"¹⁾. Иными словами, он полагал, что можно создать модель институтов, опираясь на ценностные суждения людей, составляющих данное общество, а исследование буржуазной и социалистической систем дополнить изучением вырабатываемых этими системами следующих ценностей: "ответственность", "оппозиция", "общественное мнение", "доверие", "активность", "самоуправление", "сознание справедливости". Итак, Лакатош рекомендует возводить социалистическую политическую систему, исходя не из уровня развития производительных сил и производственных отношений, социалистической сознательности трудящихся, а из бытующих в обществе ценностных представлений.

По мнению плюралистов, политическая система социалистического общества не может содержать ничего выходящего за рамки "ценностных суждений" отдельных индивидов и групп. Они упускают из виду, что социалистическое общество несет на себе "родимые пятна" капитализма и в сознании людей социалистические элементы существуют наряду с буржуазными и мелкобуржуазными. Одной из функций политической системы социализма является уменьшение влияния группового, ограниченного, донаучного, иррационального, "тред-юнионистского" сознания. Утверждение Лакатоша о том, что социалистическую политичес-

¹⁾ Lakatoš M. Úvahy o hodnotách democracie. Pr., 1968, s.15.

кую систему необходимо моделировать в соответствии с политическим сознанием всего общества, есть самое обыкновенное восприятие стихийности.

Плуралисты-нормативисты, ратуя фактически за примирение в рамках политической системы социализма буржуазной и социалистической идеологии, недооценивали реальную силу буржуазных и мелкобуржуазных влияний.

В целом, отмечает Нарта, **плуралистский нормативизм** характеризовался не только абсолютизацией роли правовых норм в развитии социалистического общества, но и немарксистским, идеалистическим подходом к политической системе социализма.

М.Нарта перечисляет основные компоненты понимания Лакатошем социалистической демократии и социалистического демократизма.

1. Социалистическая демократия является смесью всех "классических средств политической демократии", выработанных в ходе развития европейской цивилизации. Такое понимание демократии является прежде всего рационалистическим и нетоталитарным.

2. Демократию можно определить как господство "гражданского общества" над политикой, причем "гражданское общество" представляют всевозможные политические организации. Ни одна организация не может претендовать на замещение этого "политизированного гражданского общества" и на представление его совокупного интереса.

3. Совокупные общественные интересы можно выявить только путем конфронтации различных организаций, так как они не содержат ничего нового по сравнению с индивидуальными и групповыми интересами.

4. Определяющим для демократической системы является то, что политические решения принимаются законодательными органами, поскольку "демократия - это в пер-

вую очередь господство права". Правовые нормы ограничивают действия государства и гарантируют свободу деятельности индивидов. С этой точки зрения демократия выступает как система правления, ограниченная правовыми средствами. Другим гарантом прав индивида должны стать "свободно" создаваемые организации, способные оказать противодействие в случае незаконного вмешательства государства в дела личности. В организации люди вступают, отчетливо сознавая их программные цели, структуру и нормы.

5. Для демократии характерны "свободные выборы", в ходе которых осуществляется широкая деятельность различных организаций по выдвижению кандидатов и пропаганде их предвыборных платформ. Ограничение деятельности тех или иных направлений в политике является ограничением демократии.

6. В демократическом обществе должна существовать абсолютная свобода распространения информации. В этом смысле демократической является система, позволяющая группам людей не только издавать газеты, но использовать радио- и телецентры.

7. В демократическом обществе существует оппозиция, функции которой заключаются в уравнивании власти правящей бюрократии, возбуждении в ней чувства ответственности перед гражданским обществом.

8. Демократия реализует такие ценности, как ответственность, доверие, справедливость, самоуправление, активность и т.д.

Это краткое перечисление взглядов Лакатоша, отмечает автор, позволяет понять, что речь идет о рационалистически-просветительском идеале группового плюрализма, которым отмечены наиболее вульгарные немарксистские формулировки роли демократии.

Групповое понимание демократии предполагает, что все возникающие в обществе организации выражают реальные потребности и интересы людей, до сих пор не выраженные существовавшей общественной структурой. Все так или иначе представленные в обществе интересы групповая теория демократии провозглашает равноценными. Однако социальный опыт показывает, что вновь возникающие организации нередко выражают не новые интересы и потребности, а предрассудки, иррационально или идеологически извращенные интересы.

Рассматривая роль коммунистической партии в политической системе социализма, Лакатош стремится ограничить рамки ее деятельности, сведя ее роль к посредничеству. Он пишет: "Авангард интегрирует различные оппозиционные точки зрения на базе Народного фронта, действует в направлении их сближения, исходя из познания общественной реальности и собственной функции как ведущей силы общества. Нельзя, однако, понимать роль авангарда так, что он допускает лишь то, что отвечает профилю его собственных взглядов. Авангард может реализовать свою интегрирующую функцию как один из политических институтов, влияние которого основано не на его исключительной роли, а на авторитете, вытекающем из знания дела и способностей людей, авангард представляющих"¹⁾.

После 1968 г. в Чехословакии появились теоретики, утверждавшие, что до января 1968 г. политическая система Чехословакии носила тоталитарный, антидемократический характер, не содержала каких бы то ни было элементарных гарантий прав и свобод человека. Многие говорили о том, что в 1948–1968 гг. в Чехословакии существовали "режим личной власти", "бюрократически-

¹⁾ Ibid., в. 89.

этикетская политическая система". Лакатош предлагает реализовать в Чехословакии такую "плюралистическую" политическую систему, которая существовала в этой стране в период перехода от народно-демократической революции к социалистической в 1945-1948 гг. В работе "Рассуждения о ценностях демократии" он пишет: "В ходе развития Чехословакии, особенно после 1948 г., произошла деструкция гражданского общества. Путем насильственных социально-политических методов сформировался правящий бюрократический слой, пополняемый из числа профессиональных политиков и удерживающий в своих руках всю власть... Объектом управления для этого слоя стало гражданское общество - недифференцированная, безымянная масса"¹⁾.

В статье "Возможности Народного фронта" Лакатош пытается доказать, что гражданское общество в Чехословакии было полноценным лишь до полного взятия власти рабочим классом в феврале 1948 г. В этот период (1945-1948 гг.) все политические организации, по его выражению, лишь "опосредовали власть гражданского общества". В каждой из них шла борьба между социалистическими и антисоциалистическими силами, причем руководство партий, партийные печатные органы придерживались клерикальной либо откровенно антисоциалистической ориентации. Лакатош считает, что это была политическая система, отвечавшая реальным политическим и идеологическим ориентациям населения. Он отмечает также, что ни одна из существовавших в то время партий и организаций не могла вмешиваться в деятельность других, что обеспечивало им подлинное самоуправление. Конку-

¹⁾ Ibid., с. 39.

ренция между ними вела к тому, что каждая должна была последовательно избавляться от недостатков и изыскивать наиболее эффективную политику, отвечающую интересам как можно большего числа людей.

Изображая таким образом политическую систему Чехословакии в 1945–1948 гг., Лакатос искажает многие факты. Прежде всего, он забывает, что в то время в чехословацком обществе выяснялся вопрос о магистральном направлении общественного развития и еще не был решен вопрос "кто кого?". Государственное управление характеризовалось отнюдь не взаимным "улучшением" деятельности различных партий, а острейшей борьбой по наиболее принципиальным вопросам. Антикоммунистические силы в государственном аппарате рассматривали каждую проблему не с точки зрения ее делового решения, а с точки зрения того, как можно ее использовать для усиления влияния на массы. Итоговая оценка периода 1945–1948 гг. зависит от того, в интересах какого класса этот период изучается. Для марксиста, подчеркивает Нарта, важно исходить из идеи диктатуры пролетариата как необходимого условия перехода от капитализма к социализму.

Подводя итог взглядам плюралистов на демократию, автор отмечает, что они полностью переняли идею "чистой демократии", которую и пытались использовать при моделировании политической системы развитого социализма. Плюралисты выступили как теоретики, стремящиеся к "улучшению" политической системы социализма в духе "последних достижений" общественных наук. Однако объективно они оказались идеологами правых сил, стремящихся в этот момент к захвату политической власти. Претензии представителей плюралистского нормативизма на обеспечение "равновесия власти", "равенства шансов" и т.п. вели к утверждению стихийности и группового

эгоизма. При этом плюралисты-нормативисты совершенно не учли того, что плюралистическая теория политики уже была раскритикована и преодолена на Западе, ибо, как выяснилось, тенденция к плюрализации, дробление в политической сфере противостоит повышению эффективности общественного управления.

В.И.Максименко

РС "КРИТИКА ЗАРУБЕЖНЫМИ МАРКСИСТАМИ
ПРАВОГО РЕВИЗИОНИЗМА"

Сдано в набор 24/ХП-74 г. Подписано к печати 18/ІУ-75 г.
Формат 60x84 1/16 Заказ № 3481
Тираж 2000 экз. Уч.-изд.л.6,4 Печ.л.9,5

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/45.
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр.403.